

На правах рукописи

НЕКУШОЕВА ШАХЛО САИДНУРИДДИНОВНА

**КОНЦЕПТ ДОМ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ КАРТИНЕ
МИРА И ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
НОСИТЕЛЕЙ ШУГНАНО-РУШАНСКОЙ ГРУППЫ
ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ**

Автореферат
диссертации на соискание
учёной степени доктора филологических наук

Специальность: **5.9.6 – Языки народов зарубежных стран**
(памирские языки) (филологические науки)

Хорог – 2026

Работа выполнена в отделе памирских языков Института гуманитарных наук им. академика Б. Искандарова Национальной академии наук Таджикистана

Научный консультант:

Рахилина Екатерина Владимировна – доктор филологических наук, научный руководитель и профессор Школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Международной лаборатории языковой конвергенции.

Официальные оппоненты:

1. Шамбезода Хусрав Джамshedович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Российско–Таджикского (Славянского) университета

2. Мамадназаров Абдусалом – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка факультета языков Азии и Европы Таджикского национального университета

3. Косимов Олимджон Хабибович – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и журналистики Международного университета иностранных языков Таджикистана имени Сотима Улугзода

Ведущая организация:

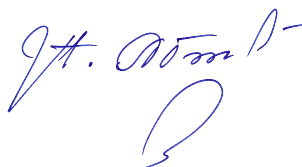
Институт языка и литературы имени Рудаки Национальной академии наук Таджикистана

Защита состоится «25» ноября 2026 года в _____ на заседании Диссертационного совета Д 73.1.015.02 в Институте гуманитарных наук им. академика Б. Искандарова НАНТ, 736001, г. Хорог, ул. У. Холдорова, 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института гуманитарных наук им. академика Б. Искандарова НАНТ и на сайте Института www.ign.tj

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

И.о. ученого секретаря диссертационного совета Д 73.1.015.02, доктор филологических наук

 Абдулназаров А.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Современная когнитивная лингвистика и лингвокультурология всё чаще обращаются к тем языковым единицам, в которых сохраняется не только значение слова, но и опыт народа. Через язык передаются представления о мире, привычные способы оценки, нормы поведения и культурная память. Поэтому изучение базовых концептов позволяет увидеть, как в языке складывается и удерживается этническая картина мира.

К числу таких базовых концептов относится ДОМ. В разных культурах он связан с общим для человека опытом жилища, семьи и защищённого пространства, однако в каждой традиции наполняется своими смыслами. В шугн.-руш. группе памирских языков ДОМ обозначает не только место проживания, но и более широкий круг представлений: семью, родовую преемственность, внутренний порядок, сакральную защиту, традиционный уклад и пространственную организацию мира.

Традиционный памирский дом подробно описывался в этнографических, историко-культурных и антропологических работах. Однако в шугн.-руш. материале он почти не рассматривался как языковой и когнитивно-культурный феномен. До сих пор специально не были раскрыты те лексико-семантические, морфологические и коллокационные средства, через которые в языке выражается концепт ДОМ и связанные с ним представления о семье, границе, защите, роде и внутреннем порядке.

Актуальность темы усиливается и современным состоянием малых языков Памира. Под влиянием глобализации, языкового сдвига и изменения традиционного уклада часть исконной домовой лексики постепенно уходит из активного употребления. Поэтому важно не только описать эти единицы, но и показать, какие культурные смыслы за ними стоят. Анализ концепта ДОМ позволяет зафиксировать тот слой языковой памяти, в котором сохраняются представления о пространстве, принадлежности, границе, защите и родовой преемственности.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема концепта занимает важное место в современной когнитивной лингвистике. В зарубежной традиции её теоретические основания связаны с работами Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Р. Лэнгакера, Л. Талми, Г. Фоконье, М. Тернера и других исследователей, которые описали механизмы концептуальной метафоры, когнитивной грамматики, ментальных пространств, фреймов и концептуализации опыта. В российской лингвистике это направление развивалось в трудах Е. С. Кубряковой, В. А. Масловой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, А. П. Бабушкина, Н. Н. Болдырева и др., где концепт рассматривается как сложная единица знания, связывающая язык, мышление и культуру.

Концепт ДОМ уже рассматривался в российской и зарубежной науке в семантическом, культурологическом, лингвокультурном и философском

аспектах. Однако для малых языков, особенно для шугн.-руш. группы памирских языков, эта тема остаётся почти не разработанной. Традиционный памирский дом хорошо известен по этнографическим описаниям, где подробно представлены его архитектура, быт и ритуальные функции. Но языковые средства, через которые носители осмысливают дом как пространство семьи, рода, границы, защиты и внутреннего порядка, до настоящего времени не были предметом специального комплексного анализа.

В таджикском языкознании когнитивное и лингвокультурологическое направление связано прежде всего с научной школой профессора Д. М. Искандаровой. В рамках этой школы выполнен ряд докторских исследований, посвящённых разным концептуальным сферам и когнитивным аспектам языка, в том числе работы М. Б. Давлатмировой, Н. И. Каримовой, З. М. Мухторова, С. Г. Сабировой. Эти труды важны для настоящего исследования как часть той научной традиции, в которой язык рассматривается через связь значения, культуры и этнического опыта. Вместе с тем концепт ДОМ в шугн.-руш. группе языков до сих пор не получил отдельного целостного описания.

Несмотря на широкую теоретическую базу когнитивной лингвистики, наличие отдельных концептологических работ в таджикском языкознании и подробные этнографические описания памирского дома, шугн.-руш. материал в этом аспекте остаётся почти не изученным. До настоящего времени не было работы, где концепт ДОМ рассматривался бы одновременно через лексику, морфологические модели, устойчивые сочетания, культурные смыслы и традиционные представления носителей. Именно этот пробел и определил направление настоящего исследования.

Объектом исследования является концепт ДОМ как многомерная когнитивно-культурная структура, репрезентирующая один из ключевых фрагментов традиционной картины мира народов Западного Памира.

Предметом исследования являются лингвокогнитивные, лексико-семантические, морфологические, коллокационные и культурно-семиотические механизмы формирования, языковой репрезентации и функционирования концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является комплексное когнитивно-лингвокультурологическое осмысление концепта ДОМ как ключевого элемента традиционной картины мира носителей шугн.-руш. группы памирских языков и построение когнитивно-семантической модели его языковой репрезентации.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

1. определить теоретико-методологические основания исследования концепта в когнитивной лингвистике и смежных дисциплинах;
2. выявить и описать семантическое пространство концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков;
3. проанализировать морфологические и коллокационные модели, репрезентирующие концепт ДОМ в шугн.-руш. группе языков;

4. исследовать символично-коннотативные и аксиологические значения, связанные с концептом ДОМ в традиционной культуре носителей шугн.-руш. группы языков;
5. установить взаимосвязь языковых, культурных и этнокультурных факторов в формировании и функционировании концепта ДОМ;
6. определить когнитивные принципы категоризации и метафоризации, лежащие в основе репрезентации концепта ДОМ;
7. разработать когнитивно-семантическую модель концепта ДОМ, отражающую его структурную организацию, полевую конфигурацию и функциональное значение в языковой картине мира.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что концепт ДОМ в шугн.-руш. группе языков организован как сложная смысловая область, где предметное представление о жилище связано с семьёй, родовой преемственностью, внутренним порядком, защитой и сакральными смыслами. Эти значения закрепляются в языке не только через отдельные номинации, но и через устойчивые лексические, морфологические и коллокационные модели. Поэтому ДОМ в шугн.-руш. материале рассматривается как одна из ключевых форм языкового сохранения этнокультурной памяти народов Западного Памира.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые концепт ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков становится предметом специального комплексного когнитивно-лингвокультурологического анализа, объединяющего лексико-семантический, морфологический, коллокационный, этнолингвистический и символично-аксиологический уровни описания. Впервые на материале шугн.-руш. языков системно раскрыты языковые механизмы репрезентации концепта ДОМ в их связи с традиционной картиной мира народов Западного Памира.

В работе уточнена семантическая структура базовых номинаций домового сферы, выявлены их внутренняя иерархия и функциональная асимметрия, а также показано различие профилей сочетаемости опорных лексем *čīd*, *xīnā* и *mālā* 'дом', 'жилье'. Впервые выделены и систематизированы устойчивые лексико-семантические, морфологические и коллокационные паттерны, посредством которых в языке репрезентируются ключевые смысловые зоны концепта ДОМ: внутреннее устройство жилища, функциональная сегментация пространства, граница, защита, принадлежность, родовая преемственность и хозяйственный уклад.

Основным научным результатом исследования является построение когнитивно-семантической модели концепта ДОМ в шугн.-руш. группе языков. Эта модель показывает, что ДОМ в исследуемом материале организован не как отдельная лексическая единица и не только как название жилища, а как многоуровневая полевая структура, в которой предметно-пространственные, семейно-родовые, хозяйственные, защитные, сакральные и ценностные смыслы связаны между собой устойчивыми языковыми

механизмами. Тем самым в работе впервые показано, каким образом через лексику, морфологические модели, коллокационные связи и культурно значимые номинации в шугн.-руш. языковой традиции закрепляется и воспроизводится этнокультурное представление о доме как центре семьи, рода, внутреннего порядка и защищённого пространства.

Теоретико-методологическая основа исследования. Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляют фундаментальные труды в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, семасиологии и этнолингвистики, а также исследования, ориентированные на анализ языковой репрезентации концептов. Концептуальная база работы опирается на труды Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в которых разработана теория концептуальной метафоры, на положения когнитивной грамматики Р. Лэнгакера, на идеи Л. Талми о концептуальном структурировании, на фреймовую семантику Ч. Филлмора, а также на теории ментальных пространств и концептуального блендинга, представленные в работах Г. Фоконье и М. Тернера. Предложенные указанными исследователями модели служат важной теоретической базой для анализа концепта как сложной когнитивной структуры, репрезентируемой в языке посредством фреймов, образных схем, метафорических проекций и иных механизмов концептуализации опыта.

В российской лингвистике методологическую основу работы формируют исследования Е. С. Кубряковой, В. А. Масловой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, А. П. Бабушкина, Н. Н. Болдырева и других учёных, рассматривающих концепт как единицу структурированного знания, отражающую взаимодействие языка, мышления и культуры. Существенное значение для настоящего исследования имеют также труды Ю. С. Степанова, В. Н. Телии и В. И. Карасика, в которых раскрываются ценностные, образные и культурно маркированные аспекты концептов, а также их роль в формировании национальной картины мира. В таджикском языкознании идеи когнитивной и лингвокультурной парадигм получили системное развитие в рамках научного направления, сформировавшегося под руководством доктора филологических наук, профессора Д. М. Искандаровой на базе кафедры теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета. Это направление стало одним из ведущих центров адаптации когнитивно-семантических и аксиологических подходов к исследованию таджикского языка и культуры. В работах Д. М. Искандаровой последовательно разработаны и апробированы методы когнитивного и лингвокультурного анализа применительно к таджикскому языковому материалу, а также обозначены основные исследовательские векторы данной области, включая концептологию, анализ фразеологических средств репрезентации концептов, изучение ассоциативных полей и использование корпусных и электронных ресурсов в лингвистическом исследовании¹.

¹ Искандарова, Д. М. Исследование ассоциативного поля толерантности в молодежной среде Таджикистана / Д. М. Искандарова // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 8–3. – С. 389–

Существенно, что данное направление получило дальнейшее развитие и в докторских исследованиях её научной школы, посвящённых проблемам концептуализации, языковой картины мира, дискурса и этнокультурной семантики². Обращение к этому кругу работ позволяет рассматривать настоящее исследование не только в контексте российской и мировой когнитивной лингвистики, но и в русле современной таджикской научной традиции.

В качестве основной методологической рамки исследования используются лингвокогнитивный, семантико-когнитивный и лингвокультурологический подходы. Остальные теоретические модели и аналитические инструменты привлекаются как вспомогательные и применяются точечно в тех случаях, когда это необходимо для интерпретации конкретных языковых фактов.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении научных представлений о механизмах концептуализации культурно значимых явлений в языке и в уточнении способов языковой репрезентации базовых концептов в системе малых языков. На материале шугн.-руш. группы памирских языков показано, что концепт ДОМ представляет собой многоуровневую когнитивно-культурную структуру, репрезентируемую посредством лексико-семантических, морфологических и коллокационных механизмов, через которые в языке закрепляются пространственные, социальные, ценностные и сакральные параметры традиционной картины мира.

Исследование уточняет представления о соотношении языковой семантики, когнитивной организации и культурной интерпретации концепта, позволяет описать взаимодействие ядерных и периферийных смысловых зон, а также выявить роль устойчивых языковых моделей в формировании доменной концептосферы. Полученные результаты расширяют теоретические

390; Искандарова, Д. М. Исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании / Д. М. Искандарова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2023. – № 3 (81). – С. 58–70; Искандарова, Д. М. Национальный корпус таджикского языка как инструмент лингвистических исследований / Д. М. Искандарова // Казанская наука. – 2021. – № 1. – С. 94–97; Iskandarova, D., Imomzoda, M. Phraseological Units that Represent Concept of “Oila” in Tajik Language // Proceedings of the International Conference “Topical Problems of Philology and Didactics: Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (TPHD 2018). – Paris: Atlantis Press, 2019. – P. 168–174.

² Давлатмирова, М. Б. Национально-специфические особенности макроконцепта ‘Судьба’ в различных лингвокультурах (на материале таджикского, арабского и языков шугнано-рушанской группы): монография. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 180 с.; Давлатмирова, М. Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта ‘Судьба’ (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. Б. Давлатмирова. – Душанбе, 2019. – 51 с.; Каримова, Н. И. Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Каримова Наргис Ильхамбековна. – Душанбе, 2019. – 451 с.; Мухторов, З. М. Структура и семантика текста: сопоставительный анализ на материалах таджикского и русского языков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Мухторов Зайнидин Мухторович. – Душанбе, 2013. – 334 с.; Сабирова, С. Г. Когнитивно-сопоставительное моделирование экономического дискурса (на материале таджикского, английского и русского языков): дис. ... д-ра филол. наук / Сабирова Сановбар Ганиевна. – Душанбе, 2024. – 506 с.;

возможности когнитивной семасиологии, этнолингвистики и лингвокультурологии в изучении малых языков и дополняют научные представления о механизмах языковой объективации этнокультурного опыта народов Памира.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов в научной, образовательной и культурно–просветительской сферах. Собранные и систематизированные материалы, включающие полевые данные, лексические единицы, локальные варианты номинаций, этнографические сведения и ритуальные формулы, могут быть использованы при составлении учебных пособий, словарей и других лексикографических ресурсов по шугн.-руш. языкам, а также в разработке вузовских курсов по когнитивной лингвистике, этнолингвистике и лингвокультурологии.

Материалы исследования могут найти применение в программах и проектах, направленных на сохранение, документирование и популяризацию языкового и нематериального культурного наследия народов Памира. Полученные результаты представляют интерес для специалистов в области лингвистики, этнографии, культурной антропологии и региональных исследований, а также создают основу для дальнейших междисциплинарных работ, связанных с изучением традиционной картины мира, культурной памяти и языковой объективации этнокультурного опыта в малых языках.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концепт ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков представляет собой многоуровневую лингвокогнитивную категорию полевого типа, реконструируемую по данным лексико-семантических, коллокационных и морфологических средств репрезентации и отражающую традиционную модель жилого пространства как предметно, социально и ценностно организованной среды.
2. Базовые номинации жилища образуют асимметричную систему, в которой доминантное положение занимает *čīd*, тогда как *xīnā* и *mālā* выступают конкурирующими, но неравнозначными единицами, различающимися по степени прототипичности, семантическому объёму и профилям сочетаемости, что выявляет внутреннюю иерархию языковой категоризации ДОМ.
3. Полевая организация концепта ДОМ включает ядро и многоступенчатую периферию – ближнюю, дальнюю и крайнюю, при этом структурируется системой макро– и микрополей, репрезентирующих основные семейные, хозяйственные, ритуальные, пространственные и социальные аспекты домашнего мира.
4. Существенным механизмом языковой репрезентации концепта ДОМ выступают устойчивые лексические, лексико-морфологические и синтаксические паттерны, через которые системно актуализируются когнитивные признаки границы, центра, принадлежности, защиты, внутреннего порядка и родовой преемственности, а также

категоризуются внутренние помещения, функциональные зоны и нормативно значимые характеристики дома и хозяйства.

5. Коллокационно-морфологическая организация концепта ДОМ обнаруживает функциональную специализацию его опорных лексем: *čīd* связано преимущественно с базовыми оценочными и социально-референтными смыслами, *xūnā* – с более сложными событийно-ситуативными и лексико-морфологическими моделями, *mālā* – с пространственной ориентировкой и локализацией.
6. Культурно значимые элементы традиционного жилища, включая *rūz* ‘окно на крыше’, *poṃgā* ‘основание традиционного дома’, *kicor* ‘очаг’, *bārñêx* ‘главное возвышение вдоль стены’ и другие архитектурно и ритуально маркированные единицы, образуют символично-аксиологический слой концепта ДОМ, в котором пространственная организация дома соотносится с представлениями о сакральности, благословении, защите, социальном порядке, статусе и памяти рода.
7. Входной комплекс традиционного дома – порог, дверь и связанные с ними защитные формулы и обрядовые действия – репрезентирует особую зону границы, допуска и нормативной регуляции, в которой дом осмысливается как охраняемое пространство, организующее отношения между внутренним и внешним, своим и чужим.
8. Структура концепта ДОМ объединяет универсальные пространственные схемы: ДОМ как центр, граница, вместилище и защита с этноспецифическими признаками, обусловленными историко-культурной традицией народов Западного Памира, вследствие чего ДОМ выступает одной из ключевых форм языковой фиксации и воспроизводства этнокультурной идентичности.

Обоснованность и достоверность результатов исследования.

Достоверность и научная обоснованность результатов обеспечиваются корректностью избранной теоретико-методологической базы, комплексным характером применённых аналитических процедур, репрезентативностью эмпирического материала и внутренней согласованностью полученных выводов. Исследование выполнено с использованием взаимодополняющих подходов, включая семантико-когнитивный, лексико-семантический, полевой, морфологический и лингвокультурологический анализ, а также выявление устойчивых коллокационных моделей и морфологических паттернов; элементы фреймового моделирования и когнитивной грамматики привлекались как вспомогательные интерпретационные инструменты.

Эмпирическую базу исследования составил широкий круг материалов, собранных и проверенных автором в течение длительного времени. В работе использованы полевые записи, данные живой речи носителей, материалы наблюдений, словарные и лексикографические источники, а также онлайн-лексикографические ресурсы по памирским языкам. Основной полевой материал был собран в 2019-2024 гг. в разных районах ГБАО; кроме того, в исследование включены авторские записи по шугн.-руш. материалу за 2015-

2024 гг. Такой временной и территориальный охват позволил рассматривать лексику дома не как случайный набор отдельных единиц, а как устойчивый пласт языковой памяти, связанный с традиционным бытом, семейной организацией, внутренним устройством жилища, хозяйственным пространством и защитными практиками.

Фактическую базу исследования составили 1768 уникальных языковых единиц и контекстных примеров, в том числе 725 самостоятельных лексических единиц, 734 единицы, представленные словосочетаниями и краткими выражениями, а также 309 фраз, предложений и речевых формул. При подсчёте отдельно по главам выявлено 1949 употреблений исследуемого материала; разница обусловлена повторным привлечением отдельных единиц в разных главах и на различных этапах анализа. В итоговом корпусе каждый полностью совпадающий пример учитывался один раз. Эти данные позволяют показать, что концепт ДОМ выражается не только отдельными словами, но и повторяющимися моделями речи.

Для уточнения особенностей употребления базовых номинаций дома была проведена анкетная проверка. Анкета включала 50 ситуативных предложений, предназначенных для выявления распределения лексем *čīd*, *xīnā* и *mālā* в различных контекстах. В исследовании приняли участие 82 респондента. Максимально возможное количество ответов составляло 4100, однако в количественный анализ были включены 2498 фактически полученных и однозначно интерпретируемых ответов. Полученные данные позволили установить различия в употреблении трёх номинаций и определить контексты, в которых *čīd* занимает центральное положение, а также случаи преимущественного употребления *xīnā* и *mālā*.

Надёжность интерпретации обеспечивается тем, что формы, значения и контексты не рассматривались изолированно. Полевые записи сопоставлялись с живой речью носителей, анкетными данными, словарными источниками и онлайн-лексикографическими ресурсами. При необходимости учитывалась фонетическая вариативность названий, характерная для отдельных языков шугн.-руш. группы. Такой принцип позволил удержать большой фактический материал в единой логике анализа и показать, какие единицы образуют ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта ДОМ.

Обоснованность выводов подтверждается системной организацией исследования: результаты семантического описания концепта ДОМ и его полевой структуры соотносятся с выявленными морфологическими механизмами и колокационными моделями репрезентации, а лингвокультурологический и аксиологический анализ подтверждает устойчивость реконструируемых смыслов на уровне традиционных сценариев и нормативных установок. Выводы основаны на регулярно воспроизводимых языковых фактах и подтверждаются совокупностью представленных данных и обобщающих таблиц.

Возможность обобщения выявленных закономерностей на уровне шугнано-рушанской группы обусловлена не только близостью исследуемых

языков, но и общностью историко-культурной среды их носителей. И. М. Стеблин-Каменский отмечал сравнительное этнографическое единообразие памирского ареала, проявляющееся, в частности, в общих типах построек, предметах домашней утвари и способах приготовления пищи³. Материалы настоящего исследования показывают, что такая общность обнаруживается также в связанных с традиционным домом обрядах, ритуальных практиках, пространственной организации жилища и нормах поведения. Это позволяет выявлять общие когнитивно-семантические и лингвокультурные закономерности, учитывая при этом самостоятельный статус и частные особенности каждого языка шугнано-рушанской группы.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на научных семинарах Института гуманитарных наук им. академика Б. Искандарова Национальной академии наук Таджикистана, докладывались на республиканских и международных научных конференциях по лингвистике и отражены в опубликованных работах автора. Всего по проблематике исследования опубликовано 29 научных статей и материалов, из них 17 статей в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации, и 4 статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Республики Таджикистан. По теме диссертации опубликована монография «Концепт ДОМ в шугнано-рушанских языках: семантика, структура, культура». Публикации отражают основные этапы разработки темы и охватывают ключевые аспекты изучения концепта ДОМ в шугн.-руш. языках: когнитивно-семантическую структуру, лексико-семантическое поле, морфологические и коллокационные модели, лингвокультурологические и аксиологические характеристики, а также культурно значимые элементы традиционного памирского дома.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Основной текст диссертации изложен на 391 странице; приложение составляет 12 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования лингвокогнитивных концептов и традиционных представлений» определяет научную рамку, в которой далее рассматривается концепт ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков. В её основе лежит положение о том, что язык является не только средством называния и описания действительности, но и особым когнитивным механизмом, участвующим в осмыслении мира, закреплении коллективного опыта и передаче культурно значимых представлений от поколения к поколению. Такой подход соответствует

³ Стеблин-Каменский, И. М. Очерки по истории лексики памирских языков: названия культурных растений / И. М. Стеблин-Каменский. – Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. – 167 с.

трактовке Е. С. Кубряковой, рассматривавшей язык как особый когнитивный механизм, связанный с репрезентацией и переработкой информации⁴. В этом ракурсе концепт ДОМ получает в исследовании особый статус, поскольку в шугн.-руш. традиции он связан не только с материальным пространством проживания, но и с представлениями о роде, семейном укладе, внутреннем порядке, границах «своего» и «чужого», а также с рядом символических и нормативных значений.

Для шугн.-руш. материала такой подход особенно важен, поскольку домовая лексика здесь не ограничивается обозначением жилища как физического объекта. Названия дома, его частей, внутренних зон, порога, очага, хозяйственного пространства и защитных практик передают более широкий круг смыслов, связанных с принадлежностью, памятью рода, пространственной организацией быта и традиционными нормами поведения. Поэтому уже в первой главе задаётся главный принцип всей работы: анализ концепта ДОМ строится не как описание отдельной лексемы, а как реконструкция многослойной когнитивно-культурной структуры, в которой языковая форма соотносится с культурным опытом и устойчивыми представлениями носителей.

В первом разделе главы последовательно рассматриваются основные научные трактовки концепта, сложившиеся в отечественной и зарубежной традиции. Для определения исходных понятийных координат привлекаются положения С. А. Аскольдова-Алексеева⁵, В. В. Виноградова⁶, Д. С. Лихачёва⁷, а также труды Е. С. Кубряковой, в которых концепт понимается как особая форма организации знания, не совпадающая со словом и не исчерпывающаяся его словарным значением. Такой подход особенно существенен для настоящего исследования, поскольку позволяет выйти за пределы чисто номинативного анализа и увидеть за языковой единицей более широкий круг представлений, связанных с жизненным опытом, культурной памятью и устойчивыми моделями мировосприятия. Вместе с тем в главе учитываются и теоретические решения, выработанные в западной когнитивной лингвистике. В этой связи рассматриваются фреймовая семантика Ч. Филлмора⁸, теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона⁹, когнитивная

⁴ Кубрякова, Е.С. Избранные труды / Е.С. Кубрякова. – М.: Изд-во ‘Наука’, 1990; Кубрякова, Е.С. Понятие концепта: “оперативная содержательная единица... квант знания”. Избранные научные публикации по когнитивной лингвистике / Е.С. Кубрякова, 1996. – 245 с.;

⁵ Аскольдов-Алексеев, С. А. Концепт и слово // Русская словесность: антология / под ред. В. Н. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–280.

⁶ Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. – С. 162– 189.

⁷ Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. РАН – СЛЯ. – 1993. – № 1. – С. 3–9.

⁸ Fillmore, C. J. Frame semantics // *Linguistics in the Morning Calm: Linguistic Society of Korea* – Seoul: Hanshin Publishing Company, 1982. – С. 111–137; Fillmore, C. J., Kay P., O’Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone // *Language*. – 1988. – Vol. 64, № 3. – P. 501–538.

⁹ Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.; Lakoff, G., & Johnson, M. *Metaphors We Live By*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

семантика Л. Талми¹⁰, когнитивная грамматика Р. Лэнгакера¹¹, прототипическая модель Дж. Тейлора¹², восходящая к работам Э. Рош¹³, а также теория ментальных пространств и концептуальной интеграции Ж. Фоконье¹⁴ и М. Тернера¹⁵. Их сопоставление даёт возможность показать, что концепт ДОМ не укладывается в рамки одной аналитической схемы: его структура раскрывается только при сочетании нескольких подходов, каждый из которых выявляет свой уровень смысловой организации.

Особую ценность для исследования представляет то, что указанные теории позволяют по-разному осветить внутреннее устройство концепта. Фреймовый подход делает возможным описание дома как типовой жизненной сцены, в которой объединяются пространство проживания, семейное взаимодействие, защита, приём гостей, хозяйственная деятельность и ритуальные формы поведения. Метафорический анализ, в свою очередь, помогает увидеть, каким образом дом осмысливается не только как постройка, но и как убежище, опора, точка возвращения, граница между внутренним и внешним миром. Прототипическая модель позволяет различить в его составе ядерные и периферийные зоны: в центре находятся значения, непосредственно связанные с жилищем, очагом и повседневным семейным пространством, тогда как на периферии концентрируются символические, образные, сакральные и оценочные расширения. Теория ментальных пространств и концептуального блендинга объясняет, каким образом в едином смысловом комплексе соединяются различные сферы опыта, прежде всего строительство и проживание, а вместе с ними представления о праве на дом, его родовой принадлежности, его внутренней иерархии и культурных ограничениях. В результате концепт ДОМ предстает как подвижная, но внутренне организованная структура, в которой предметное и культурное не разорваны, а существуют в постоянном взаимодействии.

Отдельное место в первой главе занимает круг российских исследований, наиболее близких к задачам данной работы. Для анализа материала шугн.-руш. языков особенно значимыми оказываются положения З. Д. Поповой и И. А. Стернина¹⁶, рассматривающих концепт как полевою

¹⁰ Talmy Leonard. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. 1–2. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. – 565 pp.; Talmy, Leonard (1983). *How Language Structures Space*. In Pick, H.L. Jr. & Acredolo, L.P. (Eds.), *Spatial Orientation: Theory, Research and Application* (pp. 225–282). New York: Plenum Press.

¹¹ Langacker, R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. I: *Theoretical Prerequisites*. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. – 540 p.; Langacker, R. W. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 573 p.

¹² Taylor, John R. *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. 2nd ed., Clarendon Press, 1995, p. 21.

¹³ Rosch, E. *Principles of categorization // Cognition and categorization* / ed. by E. Rosch, B. B. Lloyd. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.

¹⁴ Fauconnier, G. *The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities* / G. Fauconnier, M. Turner. – New York: Basic Books, 2002. – 464 p.

Fauconnier, Gilles. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge University Press, 1994, – 240 p.

¹⁵ Turner, Mark. *The Literary Mind: The Origins of Thought and Language*. Oxford University Press, 1996. – 208 p.

¹⁶ Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронежский межрегиональный институт общественных наук / науч.ред.: З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Воронежский гос. университет, 2002. – 313 с.

структуру с ядерными и периферийными зонами; А. П. Бабушкина¹⁷, подчёркивающего укоренённость концепта в коллективной памяти; В. Н. Телия¹⁸, связывающей его с национально-культурной семантикой, наиболее полно проявляющейся в устойчивых выражениях; Ю. С. Степанова¹⁹ и В. И. Карасика²⁰, трактующих концепт как многомерное образование, включающее понятийный, образный и ценностный компоненты; Е. И. Зиновьевой²¹, показывающей, что концепт может получать языковое выражение на разных уровнях: от отдельных слов и словосочетаний до целостных текстов. Именно этот круг работ позволяет выстроить такую исследовательскую модель, в которой ДОМ рассматривается одновременно как когнитивная единица, как культурный знак и как узел устойчивых языковых репрезентаций. Для шугн.-руш. материала это принципиально, поскольку здесь дом связан не только с пространством проживания, но и с представлениями о роде, старшинстве, домашнем устройстве, запретах, нормах и сакрально отмеченных частях внутреннего пространства.

Во втором разделе главы обосновывается выбор методов, которые непосредственно работают в диссертации. При широком теоретическом фоне основную нагрузку несут лингвокогнитивный, лингвокультурологический и семантико-когнитивный подходы. Именно их сочетание позволяет рассматривать концепт ДОМ одновременно как языковое, когнитивное и культурно значимое явление. Для шугн.-руш. материала это особенно важно, поскольку названия дома, его частей, внутренних зон, порога, очага, хозяйственного пространства и защитных действий связаны не только с предметным значением, но и с традиционными представлениями о семье, роде, границе, порядке, защите и сакральности.

Лингвокогнитивный подход в работе нужен для того, чтобы раскрыть внутреннюю структуру концепта ДОМ, определить его ядерные и периферийные зоны, показать роль базовых номинаций *čīd*, *xīnā* и *mālā* в организации домовой лексики. Семантико-когнитивный анализ позволяет перейти от отдельных значений к более крупным смысловым связям: дом рассматривается как пространство проживания, семейной принадлежности, хозяйственной жизни, памяти рода и нормативного порядка. Лингвокультурологический подход, в свою очередь, помогает объяснить те случаи, где языковая единица не исчерпывается прямым значением, а связана с культурным сценарием, ритуальной практикой, религиозным представлением или устойчивой нормой поведения.

¹⁷ Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета, 1996. – 138 с.

¹⁸ Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

¹⁹ Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 824 с.

²⁰ Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.; Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

²¹ Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник / Е.И. Зиновьева. – СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.

В качестве вспомогательных аналитических средств привлекаются теория концептуальных метафор, фреймовая семантика, теория имидж-схем, а также отдельные положения когнитивной и конструкционной грамматики. Эти инструменты используются не как самостоятельные теоретические блоки, а только там, где они действительно помогают объяснить материал. Теория концептуальных метафор важна при описании образных переносов, связанных с домом как центром, защитой, границей и вместилищем. Фреймовая семантика используется для реконструкции типовых ситуаций домашнего пространства: входа, допуска, защиты, проживания, родовой принадлежности, хозяйственного действия. Теория имидж-схем помогает описать пространственные основания концепта, прежде всего схемы «внутри/снаружи», «граница», «центр», «верх/низ», «путь» и «вместилище». Когнитивная и конструкционная грамматика привлекаются при анализе устойчивых моделей, где форма и значение связаны не случайно, а закреплены в повторяющихся способах выражения.

Такой выбор методов позволяет избежать механического переноса готовых теорий на шугн.-руш. материал. В диссертации метод подчиняется самому материалу: сначала выявляются реальные языковые формы, их значения, сочетания и контексты, а затем уже определяется, какой аналитический инструмент помогает точнее их объяснить. Поэтому во второй, третьей и четвёртой главах теоретические положения первой главы получают практическое продолжение: полевой подход помогает установить состав домовой лексики и выделить ядро концепта, прежде всего *čīd*; фреймовое моделирование раскрывает внутреннюю организацию домашнего пространства; морфологический и коллокационный анализ показывает устойчивые модели репрезентации концепта ДОМ; лингвокультурологическая интерпретация связывает языковые данные с традиционными представлениями носителей.

С этим напрямую связана и характеристика эмпирической базы исследования, также представленная в первой главе. Материалом послужили онлайн-версия трёхтомного шугнано-русского словаря Д. Карамшоева²², данные лексикографической платформы Pamiri.online, а также полевые записи, собранные автором – носителем шугнанского языка – в 2015-2024 гг. В поле наблюдения вошли названия помещений, архитектурная терминология, словосочетания, табуизированные выражения, пословицы и поговорки, зафиксированные методом интервью «вопрос – ответ» в тетрадях и на цифровые носители. Существенно, что работа с этим материалом строилась не как простая выборка лексем, а как последовательная процедура тематической классификации и смыслового анализа. Кодирование выполнялось вручную с учётом принятых теоретических оснований; для уточнения частотности и выявления доминант внутри номинативного поля концепта использовались специально составленные анкеты; спорные случаи обсуждались с научным руководителем и коллегами, а также проверялись с

²² URL: <https://www.pamiri.online>. Pamiri.online – онлайн-лексикографический ресурс по памирским языкам

участием трёх консультантов – носителей шугн.-руш. языков. Всё это позволило обеспечить достаточную надёжность интерпретации без сведения исследования к формальным статистическим операциям. Совокупность словарного материала, данных живой речи и полевых наблюдений сформировала репрезентативную эмпирическую базу исследования и обеспечила обоснованность полученных выводов.

Важным компонентом первой главы становится обсуждение цифровых и онлайн-лексикографических ресурсов в исследовании малых языков. Для шугн.-руш. материала это особенно значимо, поскольку значительная часть домовой лексики сохраняется в словарях, отдельных записях, локальной памяти носителей и не всегда регулярно звучит в современной повседневной речи. В работе используются онлайн-версия трёхтомного шугнано-русского словаря Д. Карамшоева, данные платформы Pamirgi.online, а также полевые записи автора, собранные в 2015–2024 гг. Эти источники позволяют расширить круг материала, уточнить форму и значение отдельных единиц, сопоставить варианты употребления и увидеть, какие названия дома, его частей, хозяйственного пространства и традиционных практик ещё сохраняются в языковой памяти носителей.

При этом цифровые и онлайн-лексикографические ресурсы в диссертации не рассматриваются как готовая замена полевой работе. Их роль вспомогательная: они дают возможность проверить форму, значение и возможные варианты фиксации слова, но не всегда показывают, живёт ли эта единица в современной речи. Поэтому словарные данные постоянно сопоставляются с живой речью носителей, анкетными ответами и полевыми наблюдениями. Такой подход позволяет различать несколько уровней сохранности лексики: единицы, которые активно употребляются; слова, которые носители узнают, но редко используют; архаичные или пассивные формы; а также лексемы, сохранившиеся преимущественно в словарной фиксации.

Именно это сопоставление помогает уточнить не только состав номинативного поля концепта ДОМ, но и его современное состояние. На материале диссертации видно, что утрата отдельных слов, связанных с традиционным домом, означает не просто изменение словаря. Вместе с ними ослабевают и те представления, которые за ними стояли: о внутреннем устройстве жилища, очаге, пороге, хозяйственных зонах, родовом доме, защитных действиях и правилах поведения внутри домашнего пространства. Поэтому первая глава намечает важную для всей работы линию: концепт ДОМ описывается не только как реконструируемая традиционная система, но и как часть живой языковой памяти, находящейся в состоянии изменения под влиянием языкового контакта, культурных сдвигов и сужения сферы употребления исконной лексики.

Таким образом, первая глава выполняет в диссертации не вводную, а системообразующую функцию. В ней формируется понятийный аппарат исследования, определяется круг теорий, действительно применимых к шугн.-

руш. материалу, обосновывается соотношение основных и вспомогательных методов, а также уточняется сам принцип анализа концепта ДОМ. Этот принцип состоит в том, что ДОМ рассматривается не как отдельное слово и не как изолированное обозначение жилища, а как узловой элемент шугн.-руш. лингвокультуры, в котором соединяются представления о пространстве, семье, роде, хозяйственном укладе, защите, границе и внутреннем порядке. Именно такая методологическая основа позволяет в последующих главах перейти от общего теоретического понимания концепта к конкретному языковому материалу. Во второй главе эта логика раскрывается через описание номинативного поля, полевой структуры и макрополей концепта ДОМ; в третьей главе через анализ морфологических и коллокационных моделей при опорных лексемах *čīd*, *xūnā* и *mālā*; в четвёртой главе через рассмотрение тех элементов традиционного дома, которые несут выраженную символическую и ценностную нагрузку: порога, двери, очага, внутреннего пространства, защитных практик и сакрально маркированных зон жилища. Поэтому первая глава не просто предваряет основной анализ, а задаёт его внутреннюю логику.

В этом смысле теоретико-методологическая часть диссертации связывает между собой все уровни дальнейшего описания: лексико-семантический, морфологический, коллокационный, когнитивный и лингвокультурологический. Она показывает, почему материал о доме должен рассматриваться одновременно как языковой факт и как часть традиционного знания носителей. Благодаря этому концепт ДОМ в работе раскрывается как форма соединения языка, культуры, памяти и социального опыта, а не как сумма отдельных названий, связанных с жилищем. Такой подход позволяет удержать целостность исследования и перейти от описания слов и моделей к реконструкции более широкой картины домашнего мира в шугн.-руш. языковой традиции.

Во второй главе «Семантическое пространство концепта ДОМ: лексико-семантическая и полевая структура» центр анализа переносится с общей методологической постановки проблемы на сам языковой материал. Здесь концепт ДОМ рассматривается уже не как теоретическая категория, а как конкретная система номинаций, значений и устойчивых смысловых связей, представленных в шугн.-руш. группе памирских языков. В этой главе реконструируется семантическое пространство концепта ДОМ как внутренне организованное поле, где отдельные единицы различаются по степени типичности, частотности, семантическому объёму и культурной нагруженности. Такой подход позволяет показать, что дом в шугн.-руш. языковой картине мира не сводится к обозначению жилища как материального объекта, а постепенно раскрывается как пространство семьи, рода, принадлежности, внутреннего порядка, защиты и культурной нормы.

Описание строится на сочетании когнитивно-семантического, полевого и структурно-дистрибутивного подходов. Когнитивно-семантический подход позволяет выявить те смысловые признаки, которые объединяют разные

номинации домовой сферы: проживание, укрытие, родство, хозяйство, границу, защиту и связь с местом происхождения. Полевой подход позволяет установить состав ядра концепта и распределить остальные единицы по ближней, дальней и крайней периферии. Структурно-дистрибутивный анализ, в свою очередь, показывает, как отдельные лексемы ведут себя в разных контекстах, с какими словами сочетаются и какие смысловые оттенки приобретают в живой речи. Благодаря этому дом описывается не как сумма разрозненных слов, а как смысловое поле, внутри которого ядерные и периферийные зоны соотносятся по степени концептуальной значимости и функциональной устойчивости²³.

Уже на этом уровне становится ясно, что в шугн.-руш. языковой картине мира концепт ДОМ имеет многослойную структуру. Его предметная основа связана с жилищем, внутренним пространством, частями дома и хозяйственной средой, однако этим содержание концепта не ограничивается. Через дом обозначаются отношения человека с семьёй, родом, предками, родным местом и привычным социальным порядком. Поэтому даже базовые номинации домовой сферы тяготеют к более широкому кругу представлений: дом осмысляется как место жизни, как знак принадлежности, как граница между своим и чужим, как защищённое пространство и как часть культурной памяти. С этой точки зрения материал второй главы подтверждает понимание концепта как многоуровневого образования, включающего понятийный, образный и ценностный планы²⁴.

Такое построение главы важно и для всей дальнейшей логики исследования. Во второй главе закладывается семантическая основа последующего анализа: сначала выявляется состав номинативного поля концепта ДОМ, затем определяется соотношение базовых номинаций *čīd*, *xūnā* и *mālā*, после чего раскрывается полевая организация концепта через систему макро– и микрополей. Благодаря этому дальнейшее описание морфологических, коллокационных и символично-аксиологических аспектов опирается уже не на общее представление о доме, а на конкретно установленную структуру его языковой репрезентации в шугн.-руш. материале.

Первый раздел главы посвящён синонимическому полю концепта ДОМ и тем языковым средствам, через которые это поле получает лексическое оформление. В качестве основных репрезентантов выделены три базовые номинации жилища: *čīd*, *xūnā* и *mālā*. На первый взгляд они могут восприниматься как близкие по значению единицы, однако сопоставление словарных данных Д. Карамшоева²⁵, наблюдений над живой речью и

²³ Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика: учеб. издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ; Восток Запад, 2007. – 226 с.; Taylor, John R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. 2nd ed., Clarendon Press, 1995, p. 21; Rosch, E. Principles of categorization // Cognition and categorization / ed. by E. Rosch, B. B. Lloyd. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.

²⁴ Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

²⁵ URL: <https://www.pamiri.online>. Pamiri.online – онлайн-лексикографический ресурс по памирским языкам.

результатов авторского опроса показывает, что эти номинации неравноправны ни по частотности, ни по семантическому объёму, ни по степени культурной нагруженности.

В авторской анкете, включавшей 50 ситуативных предложений, было получено 2498 ответов от 82 респондентов. Эти данные позволили уточнить не только общую частотность употребления трёх базовых номинаций дома, но и их распределение по разным типам контекстов. Особенно важно, что анкета фиксировала не отвлечённое знание слова, а выбор носителя в конкретной ситуации: когда речь идёт о своём доме, о доме как постройке, о доме как месте семьи, о возвращении домой, о госте, о внутреннем пространстве, о сакрально или этнографически маркированных элементах традиционного жилища.

Полученные результаты показывают, что *čīd* является прототипическим центром синонимического поля концепта ДОМ. Эта лексема свободно употребляется в нейтрально-бытовых, локативных, семейно-родовых, сакральных, конструктивных и метафорических контекстах. Кроме того, именно *čīd* сохраняет наиболее тесную связь с традиционным памирским домом как культурно значимым пространством. В диссертации подчёркивается, что *čīd* соотносится не только с обобщённым значением 'дом/жилище', но и с этнографически конкретной моделью дома, включающей внутреннюю организацию пространства, пять столбов, очаг, возвышение вдоль стены, окно на крыше и другие культурно значимые элементы. Поэтому *čīd* выступает не просто одной из номинаций жилища, а основной языковой формой, через которую в шугн.-руш. материале выражается дом как пространство семьи, рода, традиции, защиты и культурной памяти.

Напротив, *xīnā* и *mālā* сохраняют более ограниченные зоны употребления. *Xīnā* чаще употребляется в бытовых контекстах и при описании внутреннего пространства, когда дом понимается прежде всего как место проживания или помещение, без обязательной связи с этнографически насыщенной моделью традиционного памирского дома. *Mālā* поддерживает преимущественно локативные и переходные значения, связанные с местом, участком, направлением или пространственной отнесённостью. В этом отношении обе единицы входят в синонимическое поле концепта ДОМ, но не образуют его центр. Они конкурируют с *čīd*, однако не обладают тем же объёмом смысловых связей и не охватывают весь круг культурных, семейно-родовых и символических значений, закреплённых за центральной номинацией.

Такое распределение подтверждает внутреннюю иерархию синонимического поля. В его центре находится исконная лексема *čīd*, объединяющая физическое, социальное и культурно-ценностное измерения значения. Лексемы *xīnā* и *mālā* относятся к периферийным зонам и распределяются по типам ситуаций в зависимости от степени обобщённости, бытовой нейтральности или пространственной направленности. В этом отношении глава уточняет и развивает данные словаря Д. Карамшоева²⁶,

²⁶ Там же.

наблюдения Л. Р. Додыхудоевой²⁷, а также сопоставление с толковыми словарями таджикского²⁸ и русского²⁹ языков. Обобщённое распределение трёх номинаций по основным типам ситуативных контекстов представлено в таблице 1.

Таблица 1. Распределение номинаций *čīd* / *xūnā* / *mālā* по типам ситуативных контекстов

№	Тип контекста	<i>čīd</i>	<i>xūnā</i>	<i>mālā</i>
1	Нейтральные бытовые (жить, быть дома, тихо/холодно)	+++	+	±
2	Внутренняя жизнь дома (разговоры, порядок, покой)	+++	+	—
3	Вход / выход, перемещение	+++	—	+
4	Рост, жизнь, принадлежность	+++	+	±
5	Род, предки, наследование	+++	—	—
6	Традиция, сакральность	+++	—	—
7	Конструктивные элементы дома	+++	—	—
8	Абстрактные и метафорические значения	+++	—	—

* Составлено автором на основе результатов анкетирования

+++ – доминирующая, наиболее предпочтительная номинация;

+ – допустимая, но не доминирующая номинация;

± – допустимая с ограничениями;

— – нехарактерная / практически неупотребительная номинация в данном типе контекста.

Далее семантическое пространство концепта раскрывается через систему экспликаторов, конкретизирующих разные стороны дома как жизненного, социального и культурного пространства. На основе полевого материала и онлайн-лексикографических данных в главе выявлены 48 экспликаторов концепта ДОМ; их распределение уточнялось в отдельном эксперименте с участием 82 респондентов. Это позволило очертить ближнюю и дальнюю периферию поля и показать, что за пределами ядра поля ДОМ репрезентируется через целый ряд устойчивых признаков: уменьшенность и убогость жилища, его защитную функцию, достаток и хозяйственную устроенность, связь с семьёй и родом, локальную укоренённость, порог и личное пространство. Особенно показательно, что многие из этих единиц несут уже не только номинативную, но и отчётливо оценочную нагрузку: дом может осмысляться как убежище, как хозяйственный центр, как пространство бедности или, напротив, как знак благополучия и устойчивости. При этом глава не ограничивается простым перечнем таких единиц, а показывает их

²⁷ Додыхудоева, Л.Р. Этнолингвистический словарь: “дом”, “жилье”; “хозяйство” / Л.Р. Додыхудоева // Малые языки и традиции: Существование на грани. Вып. I. – М., 2005, – С. 210–247.

²⁸ Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка). Т I. – Душанбе, 2008. – 412 с.; Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка). Т II. – Душанбе, 2008. – 445 с.; Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ / Зери таҳрири Д. Саймиддинов, С.Д. Холматова, С. Каримов. – Душанбе: Пайванд, 2006. – 669 с.

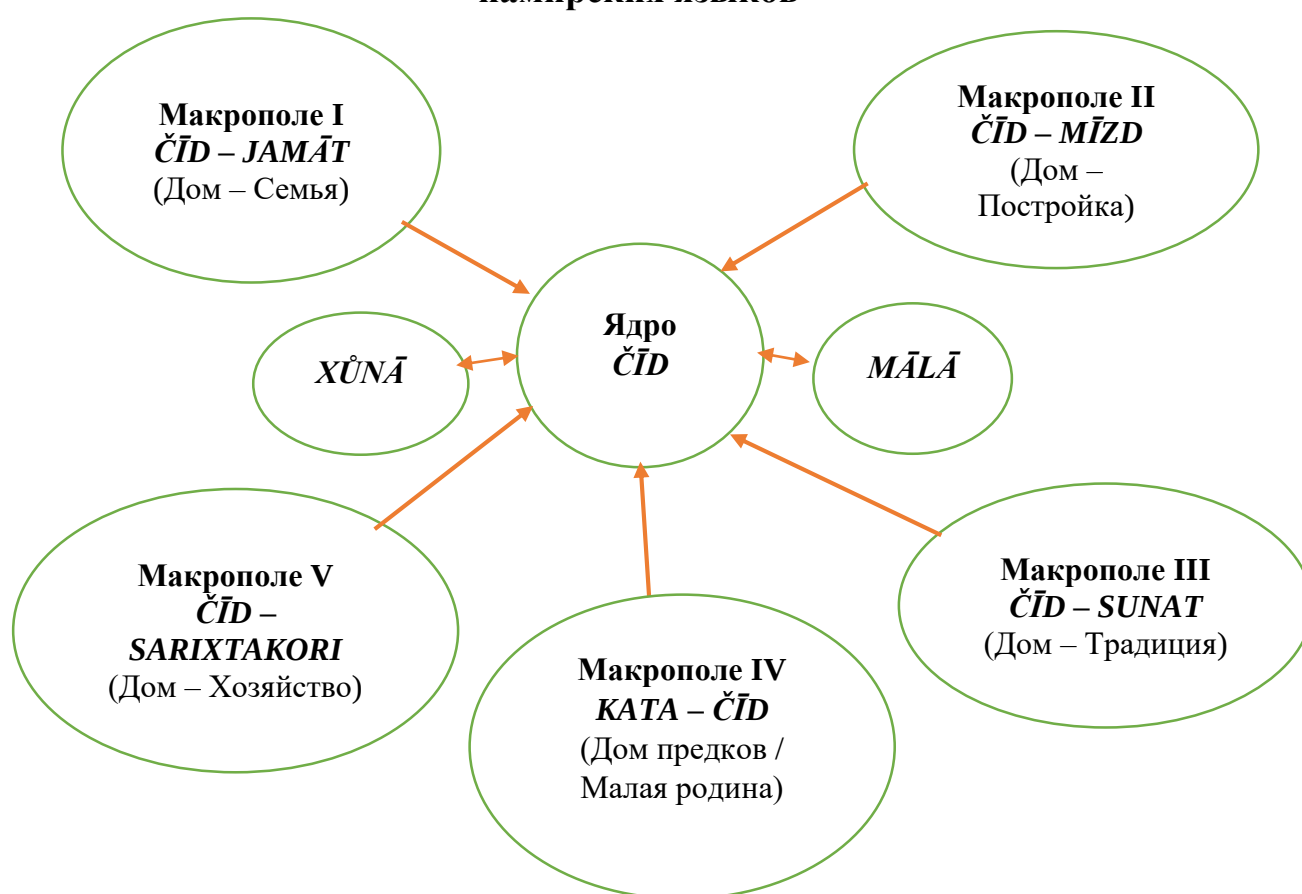
²⁹ Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-ое изд. – М., 1992. – 2314 с.

морфологические и синтаксические типы, их сочетаемостные возможности и семантические зоны, в пределах которых они становятся релевантными для концепта ДОМ. Благодаря этому полевая структура главы приобретает не только описательный, но и объяснительный характер.

На основе проведённого анализа в диссертации предложена когнитивно-семантическая модель концепта ДОМ, отражающая его внутреннюю организацию и систему взаимосвязанных смысловых зон в шугнано-рушанской языковой картине мира. В её основе лежит полевая организация, включающая ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию, а также систему макро- и микрополей (См.: Схема 1.).

Схема 1.

Когнитивно-семантическая модель концепта ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков

*Когнитивно-семантическая модель концепта ДОМ составлена автором на основе собственной классификации и анализа языкового материала шугн.-руш. группы.

Распределение материала по зонам модели проводилось не по заранее заданной схеме, а с учётом того, как сами языковые единицы функционируют в материале: насколько устойчиво они повторяются, какие значения закрепляют и участвуют ли в формировании других смысловых участков концепта. Поэтому ядро модели образует лексема *čīd*, через которую регулярно раскрываются основные признаки концепта ДОМ. Вокруг ядра группируются зоны, связанные с семьёй, родом, хозяйством, традицией,

внутренним устройством жилища, границей и защитой. Одни компоненты постоянно возвращаются в разных типах материала и образуют устойчивые смысловые центры, другие проявляются главным образом в отдельных культурных ситуациях и формируют периферийные участки модели. Такой подход позволяет показать концепт ДОМ не как перечень слов, а как живую систему взаимосвязанных значений, где языковая форма, бытовой опыт и культурная память работают вместе.

В центре этой системы находится лексема *čīd*, образующая ядро концепта. Лексемы *xīnā* и *mālā* примыкают к ядру, но занимают менее устойчивое положение и охватывают более ограниченные зоны употребления. Лексема *čīd* занимает прототипически доминантное положение, поскольку охватывает наибольший круг контекстов и соединяет физическое значение дома с социальными, семейно-родовыми и культурно значимыми смыслами. Через *čīd* дом обозначается не только как постройка или место проживания, но и как пространство семьи, рода, внутреннего порядка, памяти и защищённости. Лексемы *xīnā* и *mālā* примыкают к ядру как конкурирующие номинации общего значения 'дом, жилище', однако обладают более ограниченными функциями: они чаще связаны с прямым обозначением физического объекта, бытовой ситуации или пространственной отнесённости.

Такое распределение важно для всей модели, поскольку показывает иерархическую организацию базовых номинаций концепта ДОМ. Ядро поля образует лексема *čīd*, выступающая основным культурно-семантическим центром концепта. Лексемы *xīnā* и *mālā* относятся к ближней периферии и уточняют отдельные участки домовой семантики, различаясь по объёму значения и профилям сочетаемости. Благодаря этому модель позволяет объяснить, почему в одних контекстах между базовыми номинациями возможна частичная взаимозаменяемость, а в других такая замена изменяет смысловой, функциональный или культурный оттенок высказывания.

Периферийные зоны модели формируются за счёт названий частей дома, внутренних помещений, хозяйственного пространства, родовой принадлежности, границы, защитных действий и ритуально значимых элементов традиционного жилища. Эти единицы не всегда непосредственно называют дом, но сохраняют устойчивую смысловую связь с ним через типовые ситуации проживания, возвращения домой, приёма гостя, пересечения порога, защиты внутреннего пространства, поддержания очага и сохранения связи с родовым местом. Поэтому модель показывает не только состав домовой лексики, но и то, как предметно-пространственные, семейно-родовые, хозяйственные, защитные и ценностные смыслы организуются вокруг концепта ДОМ.

В таком виде когнитивно-семантическая модель систематизирует основные уровни репрезентации концепта ДОМ. Она позволяет представить концепт ДОМ не как перечень слов и значений, а как внутренне организованную систему, в которой лексико-семантические, морфологические и коллокационные средства языка соотносятся с

устойчивыми когнитивными признаками и культурно значимыми представлениями носителей. В рамках этой логики последовательно описываются макрополя концепта, морфологические модели, устойчивые сочетания и символично-аксиологические элементы традиционного памирского дома.

Вокруг ядра формируется система из пяти макрополей: ČĪD – JAMĀT ‘Дом – Семья’, ČĪD – MĪZD ‘Дом – Постройка’, ČĪD – SUNAT ‘Дом – Традиция’, КАТА – ČĪD ‘Дом предков / Малая родина’ и ČĪD – SARIĖTAKORI ‘Дом – Хозяйство’. Каждое из них раскрывает отдельный устойчивый ракурс осмысления дома в шугн.-руш. языковой картине мира.

Первым и наиболее значимым в данной модели выступает макрополе ČĪD – JAMĀT ‘Дом – Семья’. Его приоритетное положение связано с тем, что в шугн.-руш. традиции дом осмысляется прежде всего как пространство семьи, родовой преемственности и социальной организации жизни. В этом макрополе ДОМ не сводится к постройке или месту проживания. Он выступает как среда, где формируются и сохраняются семейные связи, распределяются роли, поддерживаются нормы поведения и передаётся представление о принадлежности к своему роду. Поэтому сочетание *čīd-jamāt* показывает не простое сближение двух понятий, а устойчивую связь дома с семьёй как основной формой человеческой и социальной укоренённости. Внутри этого макрополя особенно важны номинации и конструкции, связанные с родством, отцовским и дедовским домом, домашней общностью, мужским и женским началом, а также с теми ценностными признаками, через которые дом воспринимается как место продолжения рода, внутренней ответственности и морального порядка. Такое понимание определяет приоритетное положение ČĪD – JAMĀT в системе макрополей и объясняет, почему именно с него начинается их описание в когнитивно-семантической модели.

Макрополе ČĪD – MĪZD ‘Дом – Постройка’ раскрывает дом как результат целенаправленного труда и коллективно организованного действия. В этом поле важен не только готовый дом, но и сам процесс его становления: выбор места, подготовка материалов, возведение основных частей, распределение обязанностей между участниками строительства. В диссертации это макрополе описывается через микрополя *Čīd-mīzd injūm* ‘подготовка к постройке’, *Čīd qismaten* ‘части дома’, *Čīd-mīzd* ‘процесс постройки’ и *Mozījen* ‘участники постройки’. Такой состав показывает, что строительство дома в шугн.-руш. традиции воспринимается не только как техническая работа, но и как социально значимое событие, где у каждого участника есть своя роль. На это указывают, например, номинации *soyibxūna* ‘хозяин дома’, *kiryargār-en* ‘(соседи) помощники’, *puxtāngār* ‘готовящий пищу’. Через них дом осмыляется как пространство, возникающее благодаря совместному труду, взаимной помощи и нормативно закреплённому порядку действий.

Макрополе ČĪD – SUNAT ‘Дом – Традиция’ фиксирует те смыслы, в которых дом связан с ритуальными, нормативными и сакральными

представлениями. В этой зоне ДОМ выступает не просто как место проживания, а как пространство, где сохраняются правила поведения, охранительные действия, благословения, семейные и обрядовые практики. Именно здесь особенно заметно, что традиционный дом в шугн.-руш. картине мира имеет не только бытовую, но и ценностную организацию: отдельные элементы жилища, действия при входе, строительстве, защите дома и обращении с его внутренними зонами получают культурно значимую интерпретацию. Поэтому макрополе *ČĪD – SUNAT* связывает дом с нормой, преемственностью и представлением о правильном устройстве жизни внутри домашнего пространства. В общей структуре концепта оно показывает, что традиция не существует рядом с домом, а закрепляется в самом способе его языкового и культурного осмысления.

Макрополе *KATA – ČĪD* ‘Дом предков / Малая родина’ занимает особое место в модели, потому что выводит значение дома за пределы конкретного жилища. В шугн.-руш. материале оно представлено сочетаниями шугн. *kata čīd*, руш., хуф., барт. *kona-čod*, которые буквально соотносятся со значениями ‘большой дом’ и ‘старый дом’, но в концептуальном плане обозначают ‘дедовский дом’, ‘дом предков’, ‘малую родину’. В этой зоне дом осмысливается как место происхождения, родовая основа и часть родной земли. Первая часть сочетаний, например, шугн. *kata-* ‘большой’ и руш. *kona-* ‘старый’, передаёт не только размер или возраст, а смысл истоков, памяти и принадлежности к роду. Поэтому макрополе *KATA – ČĪD* связывает физическое пространство дома с коллективной памятью, родовой идентичностью и эмоциональной привязанностью к месту происхождения.

В этом же макрополе важную роль играют устойчивые выражения *dod čīd*, *ped čod* ‘отцовский дом’, *boboyi čīd*, *boboyi čod* ‘дом предков’, *dod zamīn*, *ped zamīn* ‘отцовская земля’, *bob zamīn*, *būb zamīn* ‘земля предков’. Эти единицы показывают, что дом и земля в шугн.-руш. языковом сознании сближаются как знаки происхождения, преемственности и уважения к предкам. Поэтому разрушение родового дома воспринимается не только как утрата постройки, но и как нарушение связи поколений. Это отражается в негативно маркированной конструкции шугн. *čīd pat čīdow*, руш. *čod pat čegow* ‘сносить дом’, а также в обрядовой формуле *ba nūmī arwogūn xidooyi čīdow* ‘жертвование во имя духа предка’, связанной с ситуацией, когда родовой дом всё же подлежит сносу.

Макрополе *ČĪD – SARIXTAKORI* ‘Дом – Хозяйство’ раскрывает дом как центр повседневного уклада, труда и материального обеспечения семьи. В этом поле дом представлен не только через жилое пространство, но и через хозяйственные постройки, места хранения, содержания скота, распределения припасов и выполнения домашних обязанностей. В диссертации подчёркивается, что данное макрополе показывает связь дома с трудом, порядком, бережливостью и устойчивостью семейной жизни. Хозяйственная организация здесь имеет не только практическое, но и ценностное значение: благоустроенность дома, наличие хозяйственных зон и правильное

распределение ресурсов воспринимаются как признаки устойчивости семьи, заботы о доме и уважительного отношения к родовому пространству. Поэтому *ĀĪD – SARĪĤTAKORI* завершает систему макрополей как зона, где концепт ДОМ раскрывается через ежедневную работу, хозяйственную ответственность и поддержание жизненного порядка.

Рассмотренные макрополя раскрывают основные направления смысловой организации концепта ДОМ и показывают различную степень участия базовых и периферийных единиц в его языковой репрезентации.

В результате модель выполняет не только описательную, но и объяснительную функцию. Она показывает связь лексико-семантических данных с морфологическими и коллокационными средствами языка и позволяет выделить предметный, пространственный, семейно-родовой, хозяйственный, ритуальный и ценностный уровни концепта ДОМ. На установленную полевую структуру опирается дальнейший анализ устойчивых выражений, притяжательных конструкций и культурно значимых элементов традиционного дома.

Существенную часть главы составляет анализ устойчивых выражений, паремий и притяжательных конструкций, в которых слово ДОМ выходит за пределы прямого значения жилища. В подобных единицах дом осмысливается как пространство семейной жизни, памяти о предках, благополучия, защиты и внутреннего порядка. Его значение раскрывается не только через названия здания и его частей, но и через устойчивые сочетания, отражающие отношение человека к своему роду, происхождению и семейному укладу.

Особенно показательны выражения, в которых дом связывается с благодатью и благополучием. Сочетание *piyīl suḍjin ċīd* буквально означает «подаренный дом», однако в употреблении передаёт значение «благословенный, счастливый дом». Рядом с ним встречаются выражения, обозначающие отсутствие благословения или утрату благодати: *piyīl no-suḍjin ċīd* «дом без благословения», *be-barakat ċīd* «неблагодатный дом», *ċīd firixtā zibud-jin* буквально «ангел дома отделился». В таких сочетаниях дом воспринимается как пространство, способное сохранять или утрачивать благополучие, защиту и внутреннее равновесие. Благодать связывается не столько с самим строением, сколько с состоянием семьи, её здоровьем, спокойствием и удачей.

Отдельную группу образуют выражения, связанные с родом и происхождением. Сочетания *kata-ċīd* «родовой дом», *boboyi ċīd* «дедовский дом», *dod ċīd* «отцовский дом» обозначают не просто место, где жили старшие поколения. В их значении сохраняется представление о доме как о пространстве общей памяти и устойчивой родовой принадлежности. Дом связывает человека с семьёй, предками и родной землёй, поэтому возвращение в отцовский или дедовский дом воспринимается как возвращение к собственным истокам, а сохранение такого дома как сохранение родовой преемственности.

Та же связь проявляется в сочетаниях *dod čīd*, *boboyi čīd*, *dod zamīn* и *bob zamīn*, где значения дома и земли сближаются. Родовой дом осмысливается не только как отдельное жилище, но и как часть более широкого пространства: родного места, земли предков и локального сообщества. Эти выражения закрепляют уважительное отношение к отцовскому дому и показывают, что принадлежность к дому одновременно означает принадлежность к определённому роду и месту происхождения.

Ценностный смысл дома особенно отчётливо проявляется в конструкции *čīd pat čīd* «сносить дом». В прямом значении она может обозначать обычное хозяйственное действие. Однако в контекстах, связанных с родовым или отцовским домом, конструкция получает отрицательную оценку. Разрушение дома воспринимается уже не только как уничтожение постройки, но и как утрата памяти, разрыв связи с предками и нарушение сложившегося семейного порядка. Таким образом, одна и та же языковая единица в зависимости от контекста может переходить от нейтрального предметного значения к нравственно и культурно значимому смыслу.

Паремии и формульные выражения дополняют эту картину. В них закрепляются нормы поведения внутри дома, правила обращения с его значимыми частями, представления о благодати, защите и уважении к предкам. Формулы, связанные с порогом, окном на крыше или главным столбом, показывают, что эти элементы воспринимаются не только как части строения, но и как границы и опоры внутреннего порядка. Так, выражения *tar čīd-en di ded salūm ta kin-en yičāy mis ca na-ved* «войдя в дом, нужно здороваться, даже если никого нет», *as piđīnd ti ta na-ađēr-en* «нельзя давать что-либо с порога», *piđīnd-ti mā-niθ* «нельзя сидеть на пороге» указывают на особый статус входной зоны дома. Соблюдение подобных правил связывается с сохранением порядка, благополучия и защищённости семьи.

Особое место занимают сочетания лексемы *čīd* с личными местоимениями: *tu čīd* «мой дом», *māš čīd* «наш дом», а также *tu joy-at makūn* «мой край» и *māš joy-at makūn* «наш край». Они выражают не только грамматическую принадлежность, но и личную и коллективную включённость человека в домашнее и родовое пространство. Особенно показательное сочетание *māš čīd* «наш дом», поскольку дом в традиционном представлении часто мыслится не как индивидуальная собственность одного человека, а как общее пространство семьи, братьев, потомков и родовой линии. Поэтому такая конструкция передаёт смысл сопричастности, общей памяти и семейной ответственности.

Таким образом, устойчивые выражения, паремии и притяжательные конструкции завершают описание семантического пространства концепта ДОМ во второй главе. Они показывают, что дом в шугнано-рушанском материале осмысливается не только через базовые номинации и макрополя, но и через живые речевые модели, в которых закреплены представления о своём месте, родовой связи, благословении, защите и нравственном порядке. Благодаря этому концепт ДОМ раскрывается во всём своём смысловом

объёме: от названия жилища и его частей до образа дома как родового, защищённого и эмоционально значимого пространства.

В третьей главе «Морфологические и коллокационные аспекты концепта ДОМ» анализ переносится с уровня лексико-семантического поля на уровень устойчивых формальных моделей, через которые концепт ДОМ закрепляется в языке. Если во второй главе была показана полевая организация доменной зоны и установлено центральное положение лексемы *čīd* 'дом' по отношению к *xūnā* 'дом, жилище' и *mālā* 'дом, жилище', то в третьей главе рассматривается, как эти опорные единицы ведут себя в повторяющихся сочетаниях, морфологических образованиях и синтаксически оформленных конструкциях. Такой переход важен для всей логики диссертации: он показывает, что концепт ДОМ представлен не только набором слов и значений, но и устойчивыми способами языкового оформления, через которые регулярно выражаются признаки пространства, принадлежности, функции, оценки и социально-родовой связи.

В центре главы находятся морфологические, лексико-морфологические и коллокационные паттерны, связанные с домовой сферой. Они позволяют увидеть, какие значения закрепляются за отдельными формами не случайно, а в силу их регулярного употребления в шугн.-руш. материале. Так, одни модели описывают дом как место проживания и внутренней организации пространства, другие связывают его с родом, семьёй и наследуемой принадлежностью, третьи указывают на функциональные помещения, хозяйственные зоны, строительство, перемещение, отсутствие дома или оценочное отношение к нему. Поэтому в третьей главе формальный анализ не отделяется от смыслового: морфологическая форма, составное образование или устойчивая коллокация рассматриваются как способ выявления того, как носители языка членят и осмысляют домашний мир.

Особое значение имеет сопоставление трёх опорных лексем: *čīd*, *xūnā* и *mālā*. В диссертации показано, что они различаются не только по семантическому объёму, но и по профилям сочетаемости. *Čīd* устойчиво связано с социально-родовыми, оценочными и культурно значимыми контекстами; *xūnā* чаще включается в событийные и функциональные образования; *mālā* тяготеет к локативным, переходным и строительным значениям. Благодаря этому третья глава уточняет результаты второй главы: различие между базовыми номинациями дома проявляется не только в их значении, но и в тех моделях, где они регулярно употребляются.

В методологическом отношении глава опирается на разграничение устойчивых коллокаций и фразеологических единиц в русскоязычной традиции³⁰, а также на понимание языковой формы как носителя концептуального содержания в духе когнитивной грамматики Р. Лэнгакера³¹ и когнитивной семантики Л. Талми³². Эти подходы позволяют рассматривать

³⁰ Баранов, А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

³¹ Langacker, R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 573 p.

³² Talmy Leonard. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1–2. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. – 565 pp.

форму не как внешний технический показатель, а как средство смысловой организации материала. Поэтому морфологические и коллокационные модели в третьей главе описываются не ради самой классификации, а как языковые механизмы, через которые в шугн.-руш. группе языков профилируются ключевые признаки концепта ДОМ: центр, граница, принадлежность, внутреннее пространство, хозяйственная функция, родовая связь и нормативный порядок.

В первом разделе главы показано, что три базовые лексемы *čīd* ‘дом’, *xūnā* ‘дом, жилище’ и *mālā* ‘дом, жилище’ обладают разными профилями сочетаемости и по-разному участвуют в языковом развёртывании концепта ДОМ. Это различие проявляется не только в значении самих слов, но и в том, какие модели они образуют, с какими компонентами соединяются и какие стороны домашнего пространства через них чаще всего актуализируются. Поэтому сопоставление *čīd*, *xūnā* и *mālā* в третьей главе продолжает выводы второй главы, но переводит их на более точный уровень: от общей семантики к устойчивым коллокационным и лексико-морфологическим паттернам.

Для лексемы *čīd* особенно характерны модели, связанные с оценочной семантикой, социально-родовой принадлежностью и культурно значимым пониманием дома. Эта исконная номинация устойчиво входит в сочетания типа *kata čīd* ‘большой дом; дедовский дом’, *dod čīd* ‘отцовский дом’, *čīd-jamāt* ‘дом–семья; домашняя общность, семья’. Такие конструкции показывают, что *čīd* обозначает не только само жилище, но и круг людей, связанных с ним общим происхождением, совместной жизнью и семейными обязанностями.

В сочетаниях с определениями и родовыми компонентами значение *čīd* заметно расширяется. Оно может указывать на конкретную постройку, на домашнее пространство в целом, на семью как единую общность, а также на принадлежность человека к определённом дому и роду. Поэтому выражения *kata čīd* и *dod čīd* называют не просто большой или отцовский дом, а подчёркивают его место в семейной истории. В свою очередь, сочетание *čīd-jamāt* показывает тесную связь между домом и людьми, которые составляют домашнюю общность.

Именно благодаря такой широте употребления *čīd* занимает центральное положение среди базовых номинаций дома. Оно свободно соединяется с компонентами, передающими значения родства, принадлежности, оценки, размера, функции и социального статуса. В результате одна и та же лексема может обозначать как материальный объект, так и более широкую семейно-социальную среду. Это отличает *čīd* от более специализированных номинаций *xūnā* и *mālā* и объясняет его ведущую роль в структуре концепта ДОМ. В диссертации *čīd* действительно рассматривается как центральная единица, а социально-родовые образования типа *kata-čīd*, *dod-čīd* и *čīd-jamāt* выделяются как отдельная продуктивная группа.

Лексема *xūnā* имеет иной профиль употребления. Она чаще входит в событийно-функциональные и структурные композиты, такие как *yām-xūnā* ‘траурный дом’, *sūr-xūnā* ‘дом, где проходит свадьба’, *kasal-xūnā* ‘больница’,

qūṣ-xūnā ‘гостевая комната’, *bolo-xūnā* ‘верхняя комната’. В таких образованиях дом осмысливается прежде всего, как место определённого события, состояния или специально выделенной функции.

Поэтому *xūnā* не обладает такой широкой социально-родовой нагрузкой, как *čīd*. Она чаще используется для обозначения помещений, учреждений, внутренних зон и локусов, связанных с конкретной ситуацией. Через эти примеры видно, как исходное значение ‘дом’ постепенно переходит к значению места, предназначенного для определённого действия, состояния или социальной практики. Именно этим *xūnā* отличается от *čīd*, которое сохраняет более широкий семейный, родовой и культурный смысл.

Ряд *mālā*, напротив, характеризуется более компактным коллокационным профилем. Эта лексема чаще поддерживает пространственные, приватативные и строительные значения: *mālā-yard* ‘в доме’, *mālā tar mālā* ‘из дома в дом’, *be-mālā* ‘без дома’, *mālā-mīzd* ‘постройка дома’. В отличие от *čīd*, она реже развивает социально-родовые и символические смыслы, а в отличие от *xūnā* не образует столь широкого ряда событийно-функциональных композитов. Её роль связана прежде всего с локализацией, перемещением, наличием или отсутствием дома, а также с обозначением строительного действия. Поэтому *mālā* закрепляет в концепте ДОМ более прямую пространственную и практическую линию.

Сопоставление трёх рядов показывает, что различия между *čīd*, *xūnā* и *mālā* имеют системный характер и не сводятся к обычной синонимии. Каждая из этих лексем закрепляет за собой свой участок домовой сферы. *Čīd* занимает наиболее сильную позицию, поскольку через него дом осмысливается как пространство семьи, рода, памяти и культурной принадлежности. В сочетаниях с этой лексемой особенно заметны социально-родовые и оценочные смыслы: дом выступает не только как место проживания, но и как знак происхождения, семейной общности и внутреннего порядка.

Лексема *xūnā* раскрывает другую сторону концепта. Она чаще включается в модели, где дом понимается как место события, состояния или определённой функции. Поэтому в её коллокационном профиле важны не столько родовые и символические признаки, сколько ситуативная и функциональная организация пространства. Через такие образования обозначаются помещения, учреждения, места обряда, болезни, свадьбы, гостевого пребывания или другого социально значимого действия. В этом ряду дом выступает как локус, связанный с конкретной жизненной ситуацией.

Лексема *mālā* имеет более узкий, но устойчивый профиль. Она поддерживает прежде всего локативные, переходные, приватативные и строительные значения. Через неё актуализируются пребывание в доме, движение из одного дома в другой, отсутствие дома или сам процесс его постройки. Поэтому *mālā* важна не как носитель широкой символики, а как средство обозначения пространственной отнесённости и практического отношения к дому.

Таким образом, три базовые номинации ДОМ не дублируют друг друга, а распределяют между собой разные способы обозначения и осмысления домашнего пространства. *Āid* чаще связывает дом с родом, семьёй, общей принадлежностью и памятью о предках; *xūnā* с событием, функцией помещения и внутренним устройством дома; *mālā* с местонахождением, направлением движения, отсутствием дома или процессом его строительства. Благодаря этому различие между ними проявляется не только в словарном значении, но и в тех сочетаниях, где каждая лексема употребляется наиболее естественно.

Такое распределение показывает, что коллокационный анализ помогает увидеть не просто набор возможных сочетаний, а устойчивые смысловые роли каждой номинации. Именно поэтому дальнейшее рассмотрение морфологических и лексико-морфологических моделей опирается на уже установленное различие между тремя опорными рядами и позволяет точнее показать, какие значения закрепляются за каждым из них.

Во втором разделе главы морфологические и лексико-морфологические модели рассматриваются не как внешний формальный слой, а как один из способов регулярного выражения признаков концепта ДОМ. На материале опорных единиц доменной зоны выделяются несколько устойчивых типов: производные номинации элементов жилища, суффиксальные ряды, композитные образования, модели с компонентом *jīs / jās / jes*, а также именные, предикативные и послеложно-клитические конструкции. Такой порядок анализа позволяет показать, что морфологическая организация домовой лексики связана не только с образованием слов, но и с тем, как в языке закрепляются представления о внутреннем устройстве дома, его частях, функциональных помещениях, хозяйственных зонах и действиях, связанных с домашним пространством.

Непроизводные номинации образуют исходный слой описания. К ним относятся названия основных элементов жилища, которые воспринимаются как самостоятельные единицы и не требуют дополнительного словообразовательного объяснения. Именно этот слой даёт первичную предметную основу концепта ДОМ: дом представлен через его части, внутренние зоны, опорные элементы и пространственные ориентиры. Однако уже на этом уровне видно, что отдельные названия не являются нейтральными техническими обозначениями. Многие из них связаны с традиционным устройством памирского дома и поэтому несут не только предметное, но и культурно значимое содержание.

Суффиксальные модели показывают другой уровень организации материала. В шугн.-руш. группе языков особенно важны ряды с формантами *-dūn / -don / -donz*, *-ak / -ik*, *-ej / -ij*, *-īj / -ōj / -ōj / -oj*. Эти форманты участвуют в обозначении места, вместительности, малой формы, принадлежности к определённой функции или локусу. Поэтому суффиксация в данном разделе рассматривается не просто как технический способ образования слов, а как средство уточнения пространственного и функционального признака. Через

такие модели язык различает, где находится предмет, для чего предназначено помещение, как соотносится часть дома с целым и какое место она занимает в домашнем устройстве.

Композитные образования с компонентом *jīc / jāc / jec* занимают особое место в описании внутренней организации дома. В диссертации этот компонент рассматривается как регулярный показатель помещения или хозяйственного участка, тогда как первый компонент указывает, для чего предназначено это место или что в нём хранится. Поэтому такие слова обозначают не просто часть жилища, а конкретную функциональную зону домашнего или придомового пространства.

К этой группе относятся *ǰīv(d)jīc / ǰīvdjāc / ǰīvdjec* ‘помещение для хранения молочных продуктов’, *woǰjīc / waǰjāc / waǰjec* ‘помещение для сена’, *čaǰjīc / čaǰjāc / čaǰjec* ‘курытник’, *wārgjīc / wargjāc* ‘хлев для ягнят’, *δīdjīc / δīgjāc / δīgjec* ‘хлев для навоза’, а также *δīr-jīc* ‘хлев для золы’. В каждом случае название строится по одной и той же модели: сначала называется содержимое, животное или хозяйственное назначение, затем указывается само помещение.

Эти образования показывают, что домашнее и придомовое пространство делится на отдельные участки в зависимости от хозяйственной необходимости. Одни помещения предназначены для хранения продуктов и кормов, другие для содержания животных, третьи для отходов или материалов, связанных с повседневным трудом. Такое разграничение отражает практическое устройство традиционного хозяйства, в котором каждому виду работы, запасов или животных отводится своё место.

По сравнению с формами на *-dūn / -don / -donz*, которые чаще обозначают место хранения, модели с *jīc / jāc / jec* сильнее подчёркивают именно функциональное разделение пространства. Они показывают дом и прилегающую к нему хозяйственную территорию как упорядоченную систему небольших специализированных зон, где назначение каждого участка закреплено в его названии.

Глагольные конструкции показывают дом как объект действия или как пространство, состояние которого меняется во времени. К ним относятся *čīd mīzdow* ‘строить дом’, *čīd sentow* ‘возводить дом’, *čīd taylor čīdow* ‘закончить строительство дома’, *čīd anjīvdow* ‘вести хозяйство’, *čīd soyibi čīdow* ‘хозяйничать’, *čīd čīdīr δēdow* ‘чистить дом к Наврузу’, *čīd nixīxtow* ‘дом ломается’, *čīd čuk δēdow* ‘дом обрушился’, *čīd pat čīdow* ‘сносить дом’. Эти сочетания последовательно обозначают основные этапы существования дома: его возведение, использование, содержание, очищение, разрушение и утрату функциональности. Дом здесь выступает не как статичный предмет, а как объект постоянной хозяйственной заботы и длительного использования.

Именные конструкции связывают дом с родом, имуществом, местом проживания и семейным хозяйством. В диссертации к этой группе отнесены *puǰt-at-papo* ‘род’, буквально ‘предки и убежище’, *joy-at-makūn* ‘пристанище, местожительство’, *ol-at-awol* ‘имущество со всем домом’, *mol-at ol* ‘хозяйство,

имущество вместе с домом', *xūnā-t-kosā* 'дом со всем имуществом, благоустроенный дом', а также *pīnz sitan* 'пять столбов'. Такие сочетания не называют отдельную часть жилища, а показывают дом как часть более широкого семейного и имущественного целого. Через них понятие дома сближается с представлениями о месте проживания, собственности, наследовании и составе домашнего хозяйства.

Послеложные, наречные и клитически оформленные модели передают пространственные отношения. Например, *čīd-ard* означает 'в доме', *čīd tar čīd* 'из дома в дом', *čīd pis čīd* 'по домам', *čīd-aki* 'домашний'. Здесь лексема *čīd* служит основой для обозначения местонахождения, направления движения, распределённости действия и связи предмета или человека с домашней сферой. Благодаря таким конструкциям становится понятно не только, что представляет собой дом, но и как человек располагается по отношению к нему: находится внутри, движется к нему или от него, переходит из одного дома в другой либо соотносится с домашним пространством по признаку принадлежности.

Таким образом, синтаксически оформленные модели расширяют описание концепта ДОМ за пределы отдельной номинации. Они показывают дом как место действия, объект хозяйственной деятельности, часть имущества и семейного уклада, а также как пространственную точку, относительно которой определяются пребывание, движение и принадлежность. Поэтому эти конструкции передают не только предметное значение дома, но и типовые ситуации, функции и отношения, связанные с ним.

В совокупности рассмотренные модели показывают, что форма языковой единицы тесно связана с тем содержанием, которое она выражает. Суффиксы, композиты, постпозитивные и клитические образования не просто расширяют состав лексики, а уточняют, какая сторона домашнего пространства оказывается в центре внимания. Благодаря этому второй раздел третьей главы раскрывает систему регулярных средств, с помощью которых в шугнано-рушанском материале обозначаются устройство дома, его функциональные части и способы включения в повседневную жизнь.

Особое место в главе занимает анализ повторяющихся формальных показателей как интерпретативно-семантических маркеров внутри доменной зоны. В данном случае суффиксы, композитные модели, постпозитивы и клитики рассматриваются не только как средства оформления слова или конструкции, но и как показатели того, под каким углом осмысливается дом. Через них в языке уточняется, идёт ли речь о размере, близости, функции, локализации, принадлежности, действии или статусе домашнего пространства. Поэтому формальные элементы в третьей главе описываются в связи с теми смысловыми признаками, которые они регулярно выводят на первый план.

Так, диминутивные формы *čīd-ak* 'домик', *xūnā-yak* 'небольшой дом', *mālā-yak* 'домик', *čīd-buc* 'маленький дом', *čīd-buc-ak* 'маленький домик' передают не только размерный признак. Они вводят оценочную перспективу,

в которой домашний локус может восприниматься как малый, близкий, освоенный, ласкательно обозначенный или, в зависимости от контекста, сниженный. Важно, что эти формы образуются средствами суффиксации и аналитического уточнения размера, поэтому они описываются именно как диминутивные и оценочные модели. Их значение связано не с общей символикой дома, а с конкретным способом языкового уменьшения или эмоционального приближения объекта.

Иной характер имеет модель *kata čīd* ‘большой дом; дедовский дом’. В главе она не интерпретируется как простая аугментативная форма, поскольку здесь нет специального увеличительного суффикса. Компонент *kata* ‘большой’ в таком сочетании выходит за пределы прямого размерного значения и связывает дом с родовым статусом, старшинством, памятью предков и представлением о доме как наследуемом пространстве. Поэтому *kata-čīd* соотносится не с противопоставлением «маленький дом – большой дом» в обычном размерном смысле, а с особым типом дома, который воспринимается как дом рода, дом старших, дедовский дом. При этом используются данные Д. Карамшоева³³ и сопоставительный материал З. Назаровой по другим памирским языкам³⁴.

Такое разграничение принципиально важно для всей главы. Диминутивные формы показывают, как язык выражает малый размер, близость или оценочную окраску домашнего пространства, тогда как *kata-čīd* выводит значение дома в социально–родовую плоскость. В первом случае работает модель уменьшения и оценки, во втором модель родовой значимости. Поэтому эти явления нельзя объединять в одну линию «уменьшение/увеличение»: они принадлежат к разным уровням интерпретации концепта ДОМ.

К интерпретативно-семантическим маркерам относятся также композитные образования, постпозитивные и клитические конструкции, через которые дом описывается как место действия, направление движения, внутренняя зона, объект строительства или пространство принадлежности. Такие модели показывают, что формальные показатели в шугн.-руш. материале не являются нейтральным техническим слоем. Они помогают распределить значения внутри концепта ДОМ: одни формы выделяют дом как малый или близкий объект, другие как родовое пространство, третьи как функциональное помещение, локус действия или часть хозяйственного уклада. Благодаря этому третья глава показывает, что морфологическая и коллокационная организация материала напрямую связана с тем, как носители языка членят и интерпретируют домашний мир.

В итоге третья глава показывает, что морфологические и коллокационные особенности доменной лексики имеют не вспомогательное, а концептообразующее значение. Через устойчивые паттерны шугн.-руш. языки

³³ Карамшоев, Д. Шугнано-русский словарь, Том 3. – Москва: Восточная литература РАН, 1999. – 568 с.

³⁴ Назарова, З. Памирский дом в контексте культуры / З. Назарова // Научный альманах. Традиционная культура, февраль 2009. – № 2. – С. 48–57.

фиксируют не только названия дома и его частей, но и способы его осмысления в традиционной картине мира. Особенно важны здесь модели при опорных лексемах *čīd*, *xūnā* и *mālā*: они показывают, что ДОМ воспринимается не как единый неделимый объект, а как пространство с внутренними зонами, функциями, границами, принадлежностью и социальным смыслом. Суффиксальные образования, сложные номинации, сочетания со служебными показателями и клитиками помогают выделить помещение, вместилище, место действия, направление движения, хозяйственную функцию, малый размер, родовую связь или оценочное отношение. Поэтому формальная организация материала прямо участвует в раскрытии содержания концепта. Она показывает, какие признаки концепта ДОМ регулярно повторяются в языке и потому являются устойчивыми для носителей: внутренний порядок, защита, локализация, принадлежность, род и связь человека с домашним пространством.

В четвёртой главе «Когнитивно-семантические и прагматические аспекты представления концепта ДОМ» внимание сосредоточено на тех слоях доменной семантики, где особенно ясно проявляются ценностные, нормативные и культурно значимые смыслы. Если во второй главе была описана лексико-семантическая и полевая организация концепта ДОМ, а в третьей его морфологические и коллокационные модели, то в четвёртой главе дом рассматривается как пространство границы, защиты, внутреннего порядка и социальной регуляции. Здесь важны уже не только номинации и модели их сочетаемости, но и те участки традиционного дома, через которые носители осмысливают допуск, запрет, открытость, закрытость, благополучие, статус и правильное поведение внутри домашнего пространства.

Такой переход закономерен для общей логики диссертации. После описания семантической структуры и формальных моделей необходимо показать, какие культурные смыслы закрепляются за ключевыми зонами дома: порогом, дверью, входным комплексом, очагом, внутренними опорами, верхним световым отверстием и почётным местом. В этом аспекте глава опирается не только на собственно шугн.-руш. материал, но и на более широкий сравнительный фон, позволяющий осмыслить порог и входную зону как культурно маркированный рубеж между внутренним и внешним, «своим» и «чужим», безопасным и потенциально опасным, что соответствует наблюдениям А. ван Геннепа³⁵, А. К. Байбурина³⁶, а в локальном плане подтверждается этнографическими данными М. С. Андреева³⁷.

В результате четвёртая глава переводит анализ концепта ДОМ в плоскость культурной интерпретации. Дом здесь предстаёт не только как

³⁵ Арнольд Ван Геннеп. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Арнольд Ван Геннеп. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – 200 с.

³⁶ Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре (Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов) / А.К. Байбурин. – СПб.: – Наука, 1993. – 253 с.

³⁷ Андреев, М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Вып. I. / М.С. Андреев. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1953. – 247 с.; Андреев, М.С. Таджики долины Хуф / М.С. Андреев. Под ред. Э. Кочумкуловой. – Вып. I–II. / М.С. Андреев. Переизд. Б.: ОсОО «Джем Кей Джи», 2020. – 794 с.

жилище и не только как поле лексических значений, а как нормативно организованное пространство, где каждая значимая зона имеет свою функцию: порог регулирует переход и допуск, дверь выражает режим открытости или закрытости, обереги поддерживают защиту, а внутренние элементы традиционного дома задают порядок, статус и ценностную иерархию. Такой ракурс позволяет показать, что пространственная структура дома в шугн.-руш. традиции тесно связана с представлениями о защите, благословении, родовой памяти и устойчивости семейной жизни.

В первой части главы показано, что в шугн.-руш. языковой картине мира порог, шугн. *pidīnd*, руш. *padēnd*, хуф. *padīnd*, бр. *padēnd*, рош. *padēn*, сар. *padding* 'порог', и входной комплекс в целом функционируют как зона повышенной нормативной и ритуальной чувствительности. Через устойчивые выражения и формульные высказывания порог репрезентируется как место допуска, отказа, ухода, возвращения и контроля границы: *tar pidīnd weddow* 'впустить на порог, в дом', *tar pidīnd nolākčidow* 'не пускать на порог, в дом', *as pidīnd naχtīdow* 'выйти за порог, уйти из дома', *tar xu pidīnd xu weddow* 'дойти до своего порога, до своего дома'. Уже на этом уровне видно, что порог осмысливается не как нейтральная часть строения, а как рубеж, через который оформляются основные отношения между внутренним и внешним пространством дома.

Особенно важно, что в этих выражениях порог связан не только с физическим переходом, но и с социальным признанием или непризнанием человека. Впустить на порог значит допустить в домашний мир, признать право на приближение, контакт и участие в пространстве семьи. Не пустить на порог, напротив, означает установить дистанцию, отказать в доступе, подчеркнуть чуждость или нежелательность. Поэтому порог в языковом материале оказывается тесно связанным с представлениями о близости и отчуждении, принятии и отвержении, возвращении и утрате связи с домом. В этом смысле он выступает не просто пространственной границей, а социально и аксиологически значимой точкой домашнего мира.

Ту же логику поддерживают оценочные и запретительные формулы: *rodpidīnd zēχtow* 'букв. брать порог; надоедать частыми посещениями', *pidīnd ti ta na-niθ-en* 'на пороге нельзя сидеть / нельзя наступать', *fiχtazan-ti ta tar pidīnd nadeδ-en* 'задыхаясь, не переступают порог'. В этих высказываниях особенно отчётливо проявляется нормативный статус порога. Он воспринимается как участок, требующий осторожного и правильного поведения, поскольку нарушение границы затрагивает не только порядок движения, но и благополучие дома. Поэтому входная зона в целом мыслится как наиболее уязвимый и одновременно наиболее регулируемый участок жилища, где концентрируются представления о защите, допустимости, домашнем порядке и сохранении *barakati xūnā* 'благодати дома'.

Отдельный раздел посвящён двери как самостоятельному элементу входного комплекса. Если порог в шугн.-руш. материале прежде всего связан с переходом, допуском и пересечением границы, то дверь показывает другой

аспект домашнего пространства, т.е. режим его открытости или закрытости. Через дверь выражается не только физическая возможность войти в дом, но и характер отношений между хозяевами и внешним миром: доверие, доступность, отчуждённость, осторожность или отказ от общения.

Формулы *čust divi* ‘закрытая дверь’, *divi luk* букв. ‘дверь ключ’, ‘дверь на замке’, *divi sankili* ‘дверь, закрытая изнутри’ в шугн.-руш. употреблении несут не только предметное значение. Они могут передавать и прагматическую оценку: закрытая или запертая дверь воспринимается как знак замкнутости дома, нарушения привычной открытости, ослабления соседской и родственной доступности. Это особенно ясно видно в высказывании *wef divi mudum čust* ‘их дверь всегда закрыта’, где характеристика двери одновременно становится характеристикой хозяев и их отношения к людям.

Показательно и выражение *dar bastā* ‘закрытая дверь’, восходящее к тадж. *dari basta*. По данным Д. Карамшоева³⁸, в шугн.-руш. материале оно переходит в сферу резко отрицательных значений: ‘гибель’, ‘смерть целой семьи’, ‘вот беда!’. Такая семантика показывает, что закрытая дверь может восприниматься не просто как бытовая деталь, а как знак нарушенного жизненного порядка. В традиционном понимании дом должен сохранять защищённость, но при этом не терять связи с семьёй, соседями, гостями и общиной.

Таким образом, дверь в языке выступает не нейтральной частью дома, а показателем состояния домашнего мира. Она фиксирует границу между открытостью и закрытостью, доверием и дистанцией, нормальным порядком жизни и его нарушением. В этом смысле анализ двери дополняет описание порога: порог обозначает сам рубеж перехода, а дверь показывает, открыт ли этот рубеж для другого человека и в каком состоянии находится дом как социальное и ценностное пространство.

Значительное место в главе занимает анализ лексики оберегов, защитных действий и словесных формул. На этом материале показано, что в шугн.-руш. языковой картине мира дом мыслится как пространство, которое должно постоянно охраняться. Защита дома выражается не одним способом, а через несколько взаимосвязанных форм: предметные обереги, ритуально значимые действия и вербальные формулы. Все они направлены на сохранение внутреннего порядка, благополучия семьи и границы между безопасным домашним пространством и внешней угрозой.

Защитная семантика особенно заметна в тех зонах дома, которые воспринимаются как уязвимые: у порога, во входном комплексе, у верхнего проёма *riʒ* ‘световое отверстие на крыше традиционного дома’, в очаговой области и у внутренних опор. В этих местах могут размещаться или использоваться предметы с охранительным значением: гвоздь, подкова, нож, книга, красная ткань, рога архара и другие знаки защиты. Однако в диссертации важно не само наличие предмета, а его включённость в определённое действие и в определённую зону дома. Только в таком

³⁸ Карамшоев, Д. Шугнано-русский словарь. Т. I. – М.: Наука, 1988. – 576 с.

сочетании предмет получает защитную функцию и становится частью охранительной практики.

Формулы типа *piḍīnd and mēx juktow* ‘забить гвоздь на пороге’, *piḍīnd and nol juktow* ‘забить подкову на пороге’, *mayit ara tov piḍīnd ti firēptow* ‘трупом трижды дотронуться до порога’, *piḍīnd and sēr čīdow* ‘класть под порог заговор, письменный или колдовской предмет’, *Ba bismillo as piḍīnd naḥīdow* ‘с именем Бога переступить порог’ показывают, что граница дома может быть как укреплена, так и нарушена. Поэтому порог и входная зона требуют особого контроля: через них в дом входит гость, возвращается свой человек, но через них же может проникнуть опасность, недоброе воздействие или нарушение домашнего благополучия.

Словесные формулы в этой системе имеют не меньшую значимость, чем предметные действия. Они сопровождают переход через границу дома, обращение к сакральной защите, просьбу о благополучии и нейтрализацию возможной угрозы. Поэтому защитная функция дома в шугн.-руш. традиции не сводится к бытовой осторожности. Она оформляется как устойчивая когнитивно-культурная модель, в которой дом постоянно соотнесён с идеей охраны, благословения, границы и необходимости поддерживать внутреннее равновесие семейного пространства.

Во второй части главы анализ смещается внутрь традиционного памирского дома и сосредоточивается на тех элементах, которые организуют его внутреннюю иерархию. В этой перспективе особенно значимы *rūz* ‘световое отверстие на крыше’, *roygā* ‘основание дома, пол’, наименования пяти столбов, *kicor* ‘очаг’ и *bārnēx* ‘главное возвышение вдоль стены’. Эти элементы рассматриваются не как отдельные архитектурные детали, а как смысловые узлы домашнего пространства. Через них в языке и традиционной культуре закрепляются представления о верхе и низе, центре и опоре, открытости и защите, статусе и порядке внутри дома.

Пара *rūz* – *roygā* задаёт вертикальную рамку традиционного жилища. *Rūz* связан с верхней границей дома, светом, воздухом, выходом дыма и регулируемой открытостью внутреннего пространства. Через него дом оказывается связанным с внешним миром, но эта связь не является свободной и неограниченной: верхний проём также нуждается в охранительном контроле, поскольку воспринимается как один из уязвимых участков жилища. Поэтому вокруг *rūz* концентрируются не только бытовые, но и защитные представления. Напротив, *roygā* обозначает нижнюю, опорную часть дома и соотносится с устойчивостью, основанием, распределением мест и социальным порядком внутри жилища. В этой паре верх и низ образуют не простую пространственную противоположность, а два взаимосвязанных уровня домашнего мира.

Система наименований пяти столбов формирует внутреннюю топологию традиционного дома. Каждый столб связан с определённой зоной, функцией и местом в общей структуре жилища. Благодаря этому внутреннее пространство дома предстает не как пустое помещение, а как строго

организованная среда, где опоры задают порядок размещения, движения и поведения. Более поздние религиозные соответствия, включая формулу *panj tani-i pok* ‘пять священных’, рассматриваются как вторичный интерпретационный слой, усиливающий культурную маркированность внутренних опор. Это важно подчеркнуть, поскольку первоначальная пространственная и конструктивная роль столбов не исчезает, а дополняется сакральным осмыслением.

Таким образом, элементы *riž*, *rougā* и пять столбов показывают, что внутреннее пространство традиционного памирского дома имеет собственную ценностную организацию. Верхняя граница, основание и опорная система дома соотносятся с представлениями о защите, устойчивости, порядке и правильном устройстве жизни. Поэтому дом в шугн.-руш. материале предстает не просто как помещение, а как иерархически организованное и символически размеченное пространство.

Лингвоаксиологический анализ очага и главного возвышения вдоль стены позволяет выйти к центральным ценностным локусам внутреннего мира дома. *Kicor* ‘очаг’ в шугн.-руш. традиции связан не только с приготовлением пищи и бытовой жизнью семьи. Он обозначает зону внутренней устойчивости дома, заботы, тепла и повседневного порядка. Показательны формулы *kicor kaхоу joy* ‘очаг – место женщины’ и *mardīnā joy pi kicor nist* ‘место мужчины не у очага’, где пространственная характеристика одновременно выражает социальную норму. Через очаг в языке обозначается не просто часть жилища, а место, вокруг которого организуется внутренняя жизнь семьи и поддерживается её бытовая целостность.

В отличие от *kicor*, лексема *bārnêx* ‘главное возвышение вдоль стены’ репрезентирует другой ценностный узел традиционного дома. Если очаг связан с внутренней заботой и домашней устойчивостью, то *bārnêx* выражает статус, почёт, признание и публичную сторону домашнего пространства. Здесь размещают уважаемых гостей, старших и людей, которым оказывается особое внимание. Поэтому *bārnêx* выступает не просто как часть внутреннего устройства дома, а как место, где видна социальная иерархия, этикет гостеприимства и уважение к человеку.

Формулы приглашения, размещения гостя и определения почётного места показывают, что через *bārnêx* дом открывается вовне как пространство социального представительства. В этой зоне хозяева проявляют отношение к гостю, подтверждают его статус и одновременно показывают собственное понимание порядка, уважения и домашней чести. Поэтому *bārnêx* связан не только с расположением человека в пространстве, но и с его положением в системе социальных отношений.

Таким образом, четвёртая глава завершает исследование переходом от описания структуры концепта ДОМ к интерпретации его ценностного содержания. В ней показано, что в шугн.-руш. материале дом репрезентируется как система взаимосвязанных смыслов границы, защиты, порядка, центра, статуса и благополучия. Порог и дверь оформляют

отношения доступа, дистанции, доверия и запрета; обереги, защитные действия и словесные формулы поддерживают дом как охраняемое пространство; *rūz* 'световое отверстие', *rougā* 'основание дома', пять столбов, *kīcor* 'очаг' и *bārnêx* 'главное возвышение вдоль стены' задают внутреннюю аксиологическую карту традиционного жилища.

В этой главе особенно ясно видно, что дом в шугн.-руш. языковой картине мира имеет как внешнюю, так и внутреннюю смысловую организацию. Внешняя граница дома связана с порогом, дверью, входом, допуском и защитой от нежелательного воздействия. Внутреннее пространство, напротив, раскрывается через очаг, основание, верхний проём, столбы и почётное место, то есть через те элементы, которые распределяют роли, закрепляют порядок, выражают уважение и поддерживают устойчивость семейной жизни. Поэтому ДОМ осмысляется не только как место проживания, но и как пространство, где регулируются отношения между своим и чужим, старшим и младшим, хозяином и гостем, внутренним порядком и внешней угрозой.

Тем самым концепт ДОМ в шугн.-руш. языковой картине мира раскрывается не как совокупность частных бытовых значений, а как целостная модель мира, в которой пространственная организация жилища неотделима от норм поведения, социальной иерархии, памяти предков, охранительных представлений и идеи благополучия. Четвёртая глава показывает, что ценностный слой концепта ДОМ закреплён не отвлечённо, а через конкретные языковые единицы, устойчивые выражения, названия частей дома и формулы поведения. Именно это позволяет рассматривать традиционный дом как одну из ключевых форм языкового выражения культурной памяти и социального опыта носителей шугн.-руш. группы языков.

В Заключении подведены основные итоги исследования концепта ДОМ в шугн.-руш. группе памирских языков. Проведённый анализ показал, что ДОМ в рассматриваемом материале не сводится к обозначению жилища как физического объекта. Он выступает как многоуровневое когнитивно-культурное образование, в котором язык закрепляет представления о «своём» пространстве, родовой принадлежности, внутреннем порядке, хозяйственном укладе, правилах допуска и исключения, а также о ценностных и охранительных основаниях домашнего мира. Тем самым цель диссертации, заключавшаяся в когнитивно-лингвокультурологическом осмыслении концепта ДОМ и когнитивно-семантической модели его языковой репрезентации, достигнута.

В ходе исследования установлено, что наиболее продуктивным для анализа шугн.-руш. материала является сочетание семантико-когнитивного, лингвокультурологического, морфологического, коллокационного и фреймового подходов. Такой методологический выбор позволил рассматривать ДОМ одновременно как языковое, когнитивное и культурно значимое явление. В работе показано, что отдельные номинации, устойчивые сочетания, морфологические модели и культурно маркированные элементы

традиционного жилища не существуют изолированно, а образуют единую систему смыслов, связанных с семьёй, родом, защитой, памятью, пространственной ориентацией и нормами поведения.

Семантический анализ показал, что поле концепта ДОМ обладает устойчивой иерархией и включает ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию. Ядро концепта ДОМ образует базовая номинация *čīd* 'дом', занимающая доминирующее положение благодаря широкому семантическому объёму и высокой культурной значимости. Лексемы *xūnā* 'дом, жилище' и *mālā* 'дом, жилище' относятся к ближней периферии поля и выступают как конкурирующие, но неравнозначные номинации с более специализированными профилями употребления. Центральное место занимает *čīd*, поскольку именно эта лексема охватывает наиболее широкий круг значений и связывает дом не только с постройкой, но и с семьёй, родом, традицией и культурной памятью. Лексемы *xūnā* и *mālā* участвуют в репрезентации домовой сферы, но имеют более ограниченные зоны употребления: первая чаще связана с бытовыми, событийными и функциональными контекстами, вторая – с локативными, переходными и строительными значениями.

На этой основе в диссертации предложена когнитивно–семантическая модель концепта ДОМ, описывающая его внутреннее членение и распределение ключевых смысловых блоков. В модели выделены макрополя *ČĪD – JAMĀT* 'Дом – Семья', *ČĪD – MĪZD* 'Дом – Постройка', *ČĪD – SUNAT* 'Дом – Традиция', *KATA – ČĪD* 'Дом предков / Малая родина' и *ČĪD – SARĪĤTAKORI* 'Дом – Хозяйство'. Эти макрополя показывают, что в шугн.-руш. языковой картине мира дом осмысливается не только как место проживания, но и как пространство родовой преемственности, строительства, традиционного порядка, хозяйственной жизни и связи человека с местом происхождения.

Морфологический и коллокационный анализ показал, что концепт ДОМ в шугн.-руш. материале выражается не только отдельными словами, но и устойчивыми способами их соединения. Значительная часть материала организуется вокруг опорных лексем *čīd*, *xūnā* и *mālā* 'дом', 'жилье', которые образуют разные модели сочетаемости и по-разному распределяют значения домовой сферы. В этих моделях дом описывается как место проживания, пространство семьи и рода, объект строительства, хозяйственная единица, защищённая внутренняя зона и точка пространственной ориентации. Суффиксальные, композитные, послеложно-клитические и синтаксически оформленные конструкции передают не только предметные значения, но и признаки принадлежности, локализации, функции, действия, оценки, малого размера, вместилища и хозяйственной отнесённости. Поэтому морфологическая организация материала выступает не внешним формальным уровнем, а одним из способов смысловой разметки домашнего мира. Через повторяемость таких моделей видно, какие признаки ДОМа являются для

носителей языка устойчивыми и культурно значимыми: граница, центр, принадлежность, защита, внутренний порядок и связь с родом.

Функциональное распределение опорных лексем подтвердило, что *čīd*, *xīnā* и *mālā* не являются простыми взаимозаменяемыми синонимами. *Čīd* чаще участвует в передаче социально-родовых, оценочных и культурно значимых смыслов; *xīnā* тяготеет к событийно-функциональной характеристике пространства; *mālā* в большей степени поддерживает локативные, переходные и строительные модели. Это позволило уточнить не только отношения частичного пересечения между данными единицами, но и их место в общей структуре концепта ДОМ.

Особое значение имеют выводы, связанные с ценностно–нормативным измерением доменной сферы. Анализ показал, что порог, дверь, система берегов, верхняя и нижняя зоны дома, пять столбов, *kīcor* ‘очаг’ и *bārnēx* ‘главное возвышение вдоль стены’ образуют внутренне связанную аксиологическую систему. Через неё язык фиксирует нормы поведения, правила доступа, формы социальной дистанции, охранительные практики и статусную организацию внутреннего пространства. Порог и дверь оформляют границу между внутренним и внешним, своим и чужим; береги и защитные формулы поддерживают дом как охраняемое пространство; *riž* ‘световое отверстие на крыше’, *rougā* ‘основание дома’, столбы, очаг и почётное место задают внутреннюю иерархию традиционного жилища.

Проведённый анализ позволил установить, что в шугн.-руш. языковой картине мира ДОМ представляет собой не только место проживания, но и культурно организованное пространство памяти, порядка, защиты, благословения и социального признания. Это особенно ясно проявляется в тех элементах традиционного жилища, которые связаны с границей, доступом и внутренней иерархией дома. Порог и дверь обозначают не только вход, но и переход между внешним и внутренним миром, между своим и чужим, между открытостью и запретом. Береги и защитные формулы поддерживают представление о доме как охраняемом пространстве. Лексемы *riž* ‘световое отверстие на крыше’ и *rougā* ‘основание дома’, названия столбов, очага и почётного места показывают, что внутренняя структура дома осмысливается как упорядоченная система, где каждая часть имеет не только бытовую, но и ценностную нагрузку. Поэтому пространственная организация дома здесь неотделима от семейной организации, родовой преемственности, хозяйственной ответственности и представлений о правильном поведении внутри домашнего мира. В этом состоит один из главных результатов исследования: концепт ДОМ раскрывается как форма языкового сохранения этнокультурной памяти народов Западного Памира.

В целом результаты исследования позволяют рассматривать концепт ДОМ как один из опорных фрагментов шугн.-руш. лингвокультуры. Предложенная в диссертации когнитивно-семантическая модель может служить основой для дальнейшего изучения доменной сферы, процессов семантической трансформации, изменения современного узуса и

постепенного ослабления отдельных пластов традиционной лексики. Материалы работы могут быть использованы и при описании других культурно значимых концептов в памирских языках, где связь языка, пространства, ценностных представлений и этнокультурной преемственности проявляется особенно отчётливо.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Монографии

1. Некушоева, Ш. С. Концепт ДОМ в шугнано-рушанской группе памирских языков: семантика, структура, культура: Монография. – Душанбе: Сифат–Офсет, 2026. – 311 с.
2. Некушоева, Ш. С. Этнолингвистическое и сравнительное освещение предметно-бытовой лексики (на материале шугнано-рушанской группы языков): монография. – Душанбе: Эр-граф, 2019. – 175 с.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации

I. Работы по теоретико-методологической основе исследования

1. Рахилина, Е. В. Система глаголов движения вниз в шугнанском языке / Е. В. Рахилина, Ш. С. Некушоева // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. 16, № 1. – С. 579-608.
2. Рахилина, Е. В. К истории понятий: лингвистический ракурс. Шугнанское ПРЯТАТЬ / Е. В. Рахилина, Ш. С. Некушоева, Е. Е. Арманд // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80, № 6. – С. 69-78.

II. Работы по языковой репрезентации и семантико-культурной интерпретации концепта ДОМ

3. Некушоева, Ш. С. Тематическая дистрибуция оберегов у народов Западного Памира (семантико-когнитивный анализ) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2022. – № 1 (76). – С. 176-188.
4. Некушоева, Ш. С. Лексико-словообразовательные гнезда с вершиной *čīd* и *xīnā* (на материале памирских языков) // Вестник Бохтарского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 93-110.
5. Некушоева, Ш. С. Философско-культурные аспекты объективации *gūz* и *rougā* в памирских языках // Известия НАНТ. – 2022. – № 4 (269). – С. 207-213.

6. Некушоева, Ш. С. Синонимичное поле и экспликаторы концепта ДОМ в шугнано–рушанской группе памирских языков // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2023. – № 4 (82). – С. 185-198.
7. Некушоева, Ш. С. К вопросу ревитализации лексикона памирских языков (на примере лексики, связанной с традиционным памирским домом) // Словесность. – 2024. – № 3. – С. 91-102.
8. Некушоева, Ш. С. Лексико-семантическое поле концепта Дом в языковой картине мира // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологические науки. – 2024. – № 8. – С. 128-134.
9. Некушоева, Ш. С. Лингвоаксиологические аспекты двух лексем в шугнано-рушанской группе памирских языков // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологические науки. – 2024. – № 10 (76). – С. 191-199.
10. Некушоева, Ш. С. Лингвокультурологический взгляд на лексику традиционного жилища (на примере имен пяти столбов традиционного памирского дома) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2025. – № 2. – С. 130-144.
11. Некушоева, Ш. С. Макрополе *Kata-Čīd* «Малая Родина» как отражение концепта дом в шугнано-рушанской лингвокультуре // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2025. – № 3. – С. 237-251.
12. Некушоева, Ш. С. Методологические подходы в когнитивной лингвистике и их применение в анализе концепта Дом // Словесность. – 2025. – № 3. – С. 79-91.
13. Некушоева, Ш. С. Взаимосвязь языка, культуры и концепта: когнитивный анализ на материале памирской лингвокультуры // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2026. – № 1. – С. 40-54.
14. Некушоева, Ш. С. К вопросу структурного анализа концепта ДОМ в шугнано-рушанской группе памирских языков // Словесность. – 2026. – № 2. – С. 66-78.
15. Некушоева, Ш. С. Профилирование концепта ДОМ в шугнано-рушанских языках: номинации *čīd*, *xīnā* и *mālā* в ситуативных контекстах // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2026. – № 2. – С. 71-82.
16. Некушоева, Ш. С. Пространство родства и принадлежности в памирской языковой картине мира: семантико-когнитивный аспект // Вестник Бохтарского государственного университета. – 2026. – № 3 – С. 86-97.
17. Некушоева, Ш. С. Когнитивный сценарий хлебопечения в шугнано–рушанской языковой картине мира // Известия НАНТ. – 2026. – № 3. – С. 140-148.

**Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных ВАК Республики Таджикистан**

18. Некушоева, Ш. С. Корпусные и онлайн-лексикографические методы при когнитивно-лингвистическом исследовании концепта Дом // Вопросы гуманитарных наук. – Душанбе: Сифат–Офсет, 2025. – № 3. – С. 14-28.
19. Некушоева, Ш. Семантические репрезентанты понятия Дом в поэтическом мире Хафиза // Вопросы гуманитарных наук. – Душанбе: Сифат–Офсет, 2025. – № 4. – С. 80-93.
20. Некушоева, Ш. С. Когнитивно-семантический анализ макрополя *čīd-jamāt* «дом – семья» в языках шугнано-рушанской группы // Вестник университета языков. – 2025. – № 4 (60). – С. 111-122.
21. Некушоева, Ш. С. Вербальная репрезентация двери в шугнано-рушанских языках: модели закрытости, доступа и социальной дистанции // Вопросы гуманитарных наук. – Душанбе: Сифат–Офсет, 2026. – № 2. – С. 7-17.

Научные статьи и материалы конференций

22. Некушоева Ш.С. Репрезентация концепта дом (*čīd*) в свете обрядовых традиций (на материале шугнанского языка) // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Русский и иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания в вузах Таджикистана». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, национальный исследовательский университет «МЭИ», филиал в г. Душанбе (Республика Таджикистан), 22 января 2020 года, – С. 220-237.
23. Некушоева Ш.С. Концепт ДОМ в шугнанской языковой картине мира // Отдел культурного наследия и гуманитарных наук Высшей Школы развития Университета Центральной Азии. Научный доклад №7, 2020, – 38 с. Доступно на английском и русском языках на сайте <https://ucentralasia.org/Research/ResearchPapers>.
24. Некушоева Ш.С. Порог (*pidīnd*) как средство идентификации пространства (на материале шугнано-рушанской группы памирских языков) // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Русский и иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания в вузах Таджикистана». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, национальный исследовательский университет «МЭИ», филиал в г. Душанбе (Республика Таджикистан), 11–12 февраля 2021 года, – С. 269-281.
25. Некушоева Ш.С. Вербальная репрезентация порога в шугнано-рушанской группе памирских языков // Актуальные направления фундаментальных и прикладных направлений (Topical areas of fundamental and applied research XXV), Publisher: Lulu Press, Inc. 627 Davis Drive, Suite 300, Morrisville, NC, USA 27560. 2021, – С. 115-131.

26. Некушоева Ш.С. Некоторые лингвокультурные особенности двух лексем в памирских языках // Вопросы гуманитарных наук, №2, – Душанбе: Сифат-Офсет. 2022. – С. 15-24.
27. Некушоева Ш.С. О дефинициях двух понятий в словарных статьях (язык и культура) // Вопросы гуманитарных наук, №1, – Душанбе, Сифат-Офсет. 2024. – С. 34-41.
28. Некушоева Ш.С. Ещё раз к вопросу философско-культурных аспектов двух лексем в памирских языках (*poygā* и *riʔ*) // Сборник статей «Молодежная политика Республики Таджикистан: язык, культура, общество». Материалы Республиканской научно-практической конференции (Душанбе, РТСУ, 23 мая 2024 г.) Санкт-Петербург, Издательский дом «Сциентиа» 2024 г., – С. 104-113.
29. Некушоева Ш. С. Лингвистическая репрезентация динамики домового пространства в наврузных практиках // Сборник статей республиканской конференции, посвящённой празднику Навруз «Навруз: традиция, ценность и самосознание». – Душанбе: ООО «Престиж-Сервис», 2026. – С. 214-223.

**Подписано в печать «19» августа 2026 г.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,75. Тираж 100 экз. Заказ № 34.**

**Отпечатано в ГУП «Типография ГБАО»
Адрес: Ш. Бунёд 46**